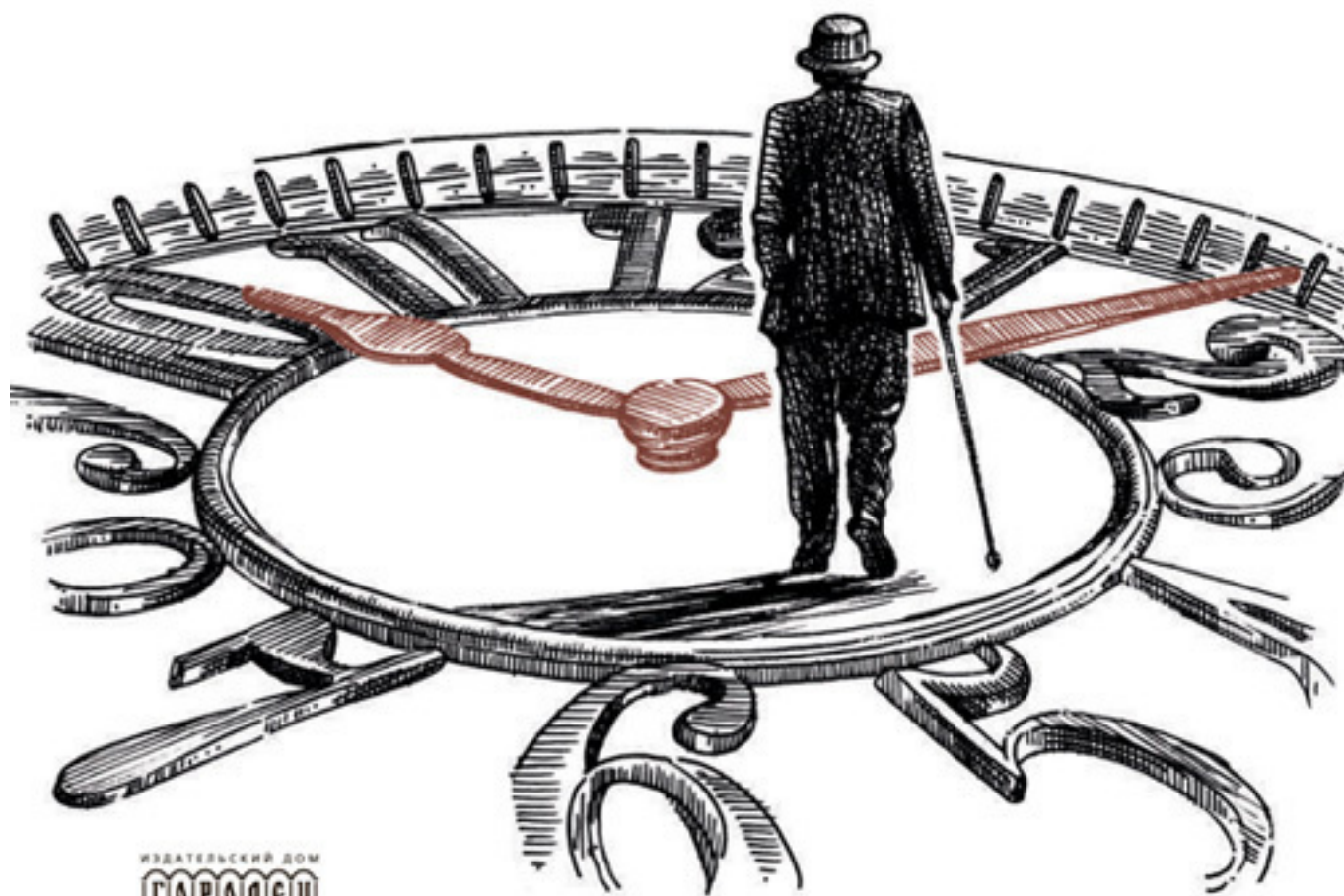

ПРОЖИВАЕМОЕ ВРЕМЯ

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Эжен Минковский

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРОДЕЦ

Эжен Минковский

**Проживаемое время.
Феноменологические
и психопатологические
исследования**

Издательский дом «Городец»

1933

Минковский Э.

Проживаемое время. Феноменологические и психопатологические исследования / Э. Минковский — Издательский дом «Городец», 1933

ISBN 978-5-906815-27-9

Эжен (Евгений) Минковский (Minkowski, Eugène) (1885–1972) — выдающийся французский психиатр польского происхождения. В марте 1915 года Минковский приехал в Париж, вступил во французскую армию. На войне начал писать заметки под общим названием «Смерть» («La mort»), которые позже в переработанном виде вошли в книгу «Проживаемое время» («Le Temps vécu», 1933). Вслед за Бергсоном он развивает идею о том, что психопатологические феномены можно понять, исходя, с одной стороны, из феномена времени, поскольку «проживаемое время» есть, по сути, синоним самой жизни, «становления» в бергсоновском смысле, а с другой — из сопоставления нормального и патологического. Опираясь на идеи Бергсона и Гуссерля, он разработал своеобразный вариант философской антропологии, в основе которой лежит понятие проживаемого времени, и видел задачу человека в том, чтобы научиться спонтанно и свободно жить во времени. Минковский стремится определить природу различия между психикой больного и здорового человека. Исследование расстройства психики осуществляется психиатром путем «интуитивной симпатии», т. е. проникновения в сознание человеческой личности, что позволяет понять больного и правильно вести лечение. Наряду с таким интуитивным знанием необходим, по Минковскому, и феноменологический анализ самой структуры синдрома и бредовых идей, пространственно-временных отношений, в которых существует человеческое «я».

ISBN 978-5-906815-27-9

© Минковский Э., 1933

© Издательский дом «Городец», 1933

Содержание

Введение	7
Преамбула	13
Предисловие	16
Часть I	21
Глава I	21
1. Предварительное изучение	21
2. Становление	24
3. Переход от проживаемого времени к времени, ассимилированному с пространством; его последствия методологического порядка	27
4. Становление и «бытие единства или множества»	29
5. Становление и «бытие как элементарная составляющая всего»	36
6. Становление и «получать направление»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эжен Минковский
Проживаемое время
Феноменологические и
психопатологические исследования

Eugène Minkowski

Le Temps vécu. Étude phénoménologique et psychopathologique

* * *

© D'Artrey, 1933

© Delachaux et Niestlé, Neuchâtel, 1968

© Presses universitaires de France, 1995

© ИД «Городец», 2018

Введение

Проживать время: Эжен Минковский

«Проживаемое время» – шедевральное произведение Эжена Минковского, в котором ему удалось раскрыть все богатство и благородство психологических описаний, проявить особую точность в подборе выражений и изящно применить их в этих описаниях. Более того, он в своем роде – первооткрыватель: воспитанный на нормах классической психологии, во время учебы Минковский больше внимания уделял представителям немецкой школы, затем попал под влияние идей Блейлера, а впоследствии сам стал признанным представителем всемирного культурного наследия. Будучи остро чувствующим философом, особо увлекаясь идеями гуманизма, он изучал труды Бергсона, Жане, Brentano, талантливо и разумно выдвигал феноменологические идеи вместе с Гуссерлем, взаимодействовал со многими современниками: Ясперсом, Куном, Virshup, фон Гебзаттелем и, в особенности, с Бинсвангером.

Однако Эжена Минковского нельзя классифицировать по какому-то одному отдельному аспекту: он не принимал во внимание психоаналитические концепции, недостатком которых считал их генетическую направленность и зависимость от каузального мышления. А его приятельские отношения с Бинсвангером и Медардом Боссом привели к тому, что для себя он определил собственную независимую позицию в изучении глубинной психологии.

Одно из важных направлений книги Эжена Минковского – оригинальное использование понятия «жизненного порыва», введенного Бергсоном. Именно порыв создает будущее, преобразуя его в нерушимое становление и наделяя более полным смыслом. Жизненный порыв – это, по сути, личный порыв. Будущее представляет собой надежду, которая приближается, на основании чего мы получаем тот восхитительный урок этики, что согласовывает ход нашей жизни с плодами коммуникации с внешним миром, придавая всему этому форму проживаемого синхронизма или симпатии, которые поддаются анализу. Нам удалось соприкоснуться с психологизмом творческого гения Минковского. Это может показаться вполне логичным, особенно то, каким образом он признает, в рамках своего исключительно динамичного мышления, возможность существования некоторых излишне «формализованных» теорий. Достаточно посмотреть, как Минковский, приняв за основу противопоставление между синтонией и шизоидией, выведенное Блейлером, формулирует возможность возникновения тяги к религиозности или стремления вернуться к истокам. В данном случае прав Эй Анри, отмечавший глубочайшую значимость такого клинического подхода.

Конечно, у Минковского были предшественники. Он прочитал все, что заслуживало внимания, и смог выделить самое ценное, воплотив в своих работах отдельный принципиально новый предмет исследования. Проанализируем, например, каким образом он использовал для рассмотрения новой концепции времени введенное Жане понятие «презентификации».

Здесь логична отсылка к тексту Дильтея («Типы мировоззрения»), который как нельзя лучше объясняет проблематику феноменологии Минковского, а также и его рассуждения, связанные с этим.

В одном из классических документов 1894 года Дильтей говорит об изыскательной психологии («которая может объяснить строение психического мира при помощи его элементов, его энергий и его законов точно так же, как физика и химия объясняют особенности материального мира») в описательной науке: ощущение внутренних состояний «является результатом проживаемого жизненного опыта и постоянно связано с ним. Особенный факт в данном случае коррелирует со всем многообразием психической жизни и присущим ей единством. Таким образом, отношения, связанные с целостностью психической жизни, подчеркивают ее бли-

жайшее выражение». Очевидно, что Дильтей не признает предложенную Гербартом «физику души». Он предвидел феноменологическую теорию.

Усилие, которое следует приложить, чтобы понять, тем более не может быть в полной мере описательным и статичным, как об этом говорил Ясперс. В качестве основы следует принять единственно верную феноменологическую реальность, направленную на поиск смысла, а не объяснений, для того чтобы выделить объекты сознания.

Этот анализ раскрывает расстройство, а также формирует и выражает его динамическую форму, являющуюся одновременно подвижной и упорной.

По мнению Минковского, структурная психопатология на первый план выводит скорее саму личность со всем ее жизненным многообразием, нежели какие-то психические соединения, уровень сложности и последовательность которых могли бы все объяснить. Минковский обучался по работам Блейлера: концепция аутизма, написанная им в 1911 году, достаточно хорошо структурирована, однако Блейлер сохранил большую часть теорий, основанных на идеях ассоцианизма. Минковский же смог развить его суждения о шизофрении (1927), приняв за основу теорию утраты контакта с действительностью и развитие патологического рационализма. Он признает позицию Бергсона, но не является ее слепым заложником.

Стиль его письма живой и открытый, это позволяет нам прикасаться к насущным явлениям, к различным формам их существования. Прежде всего феноменология интересуется не самим генезисом, а его сутью, самым основным. В «Трактате о психопатологии» вновь раскрывается необходимость выявления зависимостей, основанных на самой природе феномена, изучения их глубоких последовательных изменений и оценки особых категорий искривления сознания, причиной которого они являются.

В клинической практике нам следует избегать искушения наложения различных признаков друг на друга, для того чтобы достигнуть, вместе с самими феноменами, разрыва ощущений, резкого стирания признаков витального контакта с реальностью. «Проживаемое время» – это то, что люди проживают конкретно, просто, изо дня в день, это то, что отображает величие и неудачи, тонкости и непоследовательность мышления. Так, например, время, проведенное в депрессии, представляет для нас истинный калейдоскоп, возникающий по причине ограниченности мышления, сокращения расстояния между индивидами и предметами, перечеркнутым будущим и прошлым, обездвиженным и раздавленным чувством вины.

Невозможно измерить то, каким образом будет расценена значимость работы Минковского. Эта работа является одним из источников вдохновения Телленбаха, подвигнувших его на написание знаменитой «Меланхолии».

Обратимся к статье в «Journal de Psychologie» (№ 6, 1923), где рассказывается об одном из случаев меланхолической шизофрении. Это знаменитая история о «политике отходов»: пациенту, о котором идет речь, казалось, что все отходы, все сигаретные окурки, все куриные кости, все пустые бутылки, все овощные очистки и даже трупы предназначены для того, чтобы ввести их ему в брюшную полость. Кстати, помимо самой невероятной формальности поведения больного, странным нам кажется еще и строгая последовательность составления схем, основанная на проживаемом опыте пациента. В такой повторяемости отходов нет ничего, кроме особенного способа выражения, полностью захваченного болезненным эмоциональным состоянием, из которого исключен любой эмоциональный контакт. Будущее, как и настоящее, не имеет больше никакой ценности – только страдания и разрушение жизненных сил.

Дело в том, что интуиция, присущая живым существам, является не чем иным, как особым способом относиться к происходящему вокруг.

Дениз Оссон в своем труде «Травматическая дезориентация во времени и пространстве» изучает различные расстройства у людей, которые постепенно восстанавливают способность сознательного существования. Она подчеркивает значение механизмов разрыва и соединения, помогающих заметить именно феномено-структуральный анализ. Минковский, рассуждая о

сумеречном воображении, напоминает нам о том, что оно является неотделимым составным элементом, позволяющим регулировать наше отношение к существующей реальности: нереальное – это неотъемлемая часть реальности!

Таким образом, воображаемое раскрывает перед нами все жизненные феномены, а также обладает самым элементарным динамизмом.

Давайте еще раз обратимся к причинам.

Жизнь – есть движение, говорит Эжен Минковский; учитывая движущуюся реальность любого человека, следует остерегаться навешивания ярлыков, например, таких как «ассоцианизм» или «экзистенциализм». Причем сам он, человек, которого мы с легкостью могли бы назвать врачом-философом, отрицает «заражение» психологии философией. Какими бы значимыми ни были рассуждения Гуссерля и Бергсона, он считает необходимым сохранить независимость психопатологии от других наук.

На самом деле нам следует вести речь об антропологическом подходе, вместо того чтобы называть все это феноменологией, бергсонизмом, экзистенциализмом или любым другим словом, известным каждому либо относящимся к чему угодно.

Минковский, к примеру, рассуждает о сходстве принципов между ближайшими сведениями (Бергсон) и видением основного (Гуссерль). «Обе эти точки зрения в некотором роде схожи, они закладывают основы антропологического направления, коим вдохновляется современная мысль, все более и более стимулирующая развитие всех наук, предметом изучения которых является человек, трансформируя их в различные гуманитарные науки» («Дань уважения Минковскому», Журнал Группы Франсуазы Минковска, 1965). В данном случае, речь идет прежде всего о том, чтобы создать учение о психопатологии, основанное на онтологии, а не о том, чтобы показать возможность возникновения антропологии психического заболевания. Психопатологический синдром ни в коем случае не может представлять собой набор различных, отдельно существующих симптомов, он является выражением глубинных изменений, характерных для личности в целом. Отсюда вытекает особая значимость понятия первичного расстройства при психозах, суть которого состоит в фильтрации симптомов, при этом их структурная организация имеет специальную иерархию клинических проявлений.

Именно антинозографическая точка зрения Блейлера дала ему возможность рассматривать личность человека целостно, охватывая все проявления вместе, на основании чего расценивать это как особый способ человеческого существования.

Хочу еще раз напомнить: Э. Минковский постоянно стремился к тому, чтобы оградить психопатологию от пристального контроля психологии. Однако смог ли он этого добиться?

В «Трактате по общей психологии» (1946), Морис Прадин возвращается к теории Минковского о том, что забывание прошлого является живым принципом памяти. «Нам кажется, что прошлое не просто предоставлено нам нашей собственной памятью каким-то простейшим способом». По большей части именно забывание, выступающее в качестве неясного сознания, возвышает нас над самими собой. В данном случае речь идет о движущей силе скрытой памяти. Прошлое может лишь устареть...

Жан Сюттер также принял за основу концепцию Минковского, согласно которой «наша жизнь по большей части направлена в будущее»; его собственные рассуждения на этот счет были более глубокими и касались переоценки понятия «антиципации». «Для нас антиципация – это движение, позволяющее человеку всем своим существом вырваться за пределы настоящего, достичь ближайшего или отдаленного будущего, которое по большей части и является его собственным будущим».

В работе «О скачке идей» (1933) Бинсвангер по-дружески упрекает Минковского за то, что тот не слишком внимательно отнесся к феномену времени, в ущерб использованию понятия жизненного опыта. Хотя, по сути, для самого Минковского любое из этих понятий тесно связано с «проживаемым временем» и пространством.

Работа Минковского «Шизофрения. Психопатология шизоидов и шизофреников», появившаяся только в 1953 году, спустя двадцать лет после книги «Проживаемое время», считается одной из самых значимых среди многообразия научных трудов автора. Как и все прочие психиатры того времени, Минковский признает особую значимость, даже, можно сказать, считает ключевыми концепции Крепелина и введенное им понятие «раннего слабоумия». Однако он также обучался и на работах Блейлера, которого принято считать мэтром, признающим абсолютное верховенство естественных наук со свойственными им механизмами – эволюционизмом и ассоцианизмом. При этом Блейлер ввел одно из самых знаковых понятий современной психиатрии, понятие «аутизма», хотя сам он считал его всего лишь простым ослаблением возникновения ассоциаций. В перспективе развития структуральной психопатологии, Минковский описывает фундаментальный феномен утраты витального контакта, а также патологического рационализма, как чрезмерную тягу к пониманию размеров и количества, пространственное и излишне логичное мышление, скрупулезное составление распорядка дня, часто встречающуюся потребность во властной организации. С другой стороны, если шизофреник продолжает поддерживать контакт с окружающей реальностью с должной эффективностью, то данный контакт лишен всяческой жизнеспособности, он характеризуется обесцвечиванием всех окружающих явлений. В этом проявляется богатство и многообразие анализа, которым занимался Минковский.

Эжен Минковский, врач-психиатр, родился 17 апреля 1885 года в Санкт-Петербурге, в еврейской семье польского происхождения. Среднюю школу он закончил в Варшаве, там же несколько лет изучал медицину. После закрытия медицинского факультета отправился в Мюнхен, где завершил обучение в университете и получил степень Доктора медицины. Поскольку его диплом не был признан в России, он получает еще одну степень в Казани. Вернувшись в Мюнхен, Минковский решил изучать философию. Однако война 1914 года застала его врасплох, ему пришлось уехать в Швейцарию. Его супруге, Франсуазе Минковска, психиатру по специальности, удалось получить для мужа место добровольного ассистента врача в университетской клинике при госпитале Бургхельцли (Burghölzli), недалеко от Цюриха, где Блейлер разрабатывал свои концепции шизофрении. В марте 1915 года Эжен Минковский вступает в ряды французской армии, за доблесть и отвагу на фронте он награжден орденом. После окончания войны семья перебирается в Париж, но, чтобы иметь возможность продолжать медицинскую практику, ему приходится подтверждать свои дипломы во Франции (1926).

Как мы уже упоминали, Эжен Минковский – одновременно и врач, и философ, хотя он достаточно долго сомневался, по крайней мере в юные годы, какое направление все-таки выбрать, настолько сильно был увлечен философией. Даже сам он порой говорил, что его квалификация – врач-философ, таковым его зачастую и считали.

Сам же Минковский предпочитал рассуждать скорее об антропологии, нежели о психологии или нейропсихологии: он полагал, что именно антропология предоставляет нам исходные, ближайшие и неоспоримые сведения. Именно в антропосе скрыта «первичная межчеловеческая связанность».

«Психопатология, которую мы рассматриваем, – это психопатология, имеющая два голоса: она берет свое начало от случайной человеческой встречи». Отсюда понятно, почему Минковский не мог выявить противоречий между своими медицинскими и философскими увлечениями.

И в одном, и в другом случае ему отведена оригинальная позиция, в соответствии с его независимым сознанием, его беспокойством о человечестве и уважением к другим.

На протяжении всей своей долгой и плодотворной карьеры значительно чаще он пытался убеждать, а не побеждать. Имея твердые взгляды, что, безусловно, так, он не был при этом излишне принципиальным, не слыл догматиком. Достаточно долгое время его жизнь была нелегкой, ему приходилось работать в частных психиатрических клиниках, а также консуль-

тировать в больницах. Эжен Минковский не получил ни университетского признания, ни академических почестей – и это человек, который почти полвека оказывал влияние на развитие французской и международной психиатрии.

Первый руководитель группы и главный редактор журнала «Развитие психиатрии» («L'Évolution psychiatrique»), Эжен Минковский был участником всех крупных конгрессов и любых дискуссий, где разрабатывалась и развивалась современная психиатрия.

Во время Второй мировой войны Эжену Минковскому и всей его семье удалось избежать депортации. Испытания, перенесенные им в этот непростой период, значительно усилили такие черты его личности, как серьезность и доброжелательность. Он умер 17 ноября 1972-го, на двадцать два года пережив жену Франсуазу Минковска, с которой его связывала не только глубокая взаимная привязанность, но и неопишуемая преданность работе.

О духовном развитии личности Эжена Минковского Жан Сюттер проникновенно писал: «Эжен Минковский мог смотреть, представлять себе что-то, действовать, только основываясь на созданную им самим шкалу ценностей, которую он применял на практике при любой возможности. В нем совершенно не было никакого скептицизма и уж тем более системного нонконформизма. Он был очарован феноменологией и постоянно обращался к ней. Благодаря своим познаниям в философии и великолепному владению немецким языком, он почерпнул для себя все то, что ему казалось там верным и плодотворным, при этом ни в одном направлении мышления его нельзя было упрекнуть в тяге к ортодоксальным взглядам. Сталкиваясь с чем-то неизвестным, неведомым, он легко мог признать это, но, чтобы найти выход, рассчитывал только на собственные силы, а не на какие-то источники со стороны. Кроме того, он не сдерживал порывы своего сердца, позволял себе доверяться интуиции, если ему казалось, что в какой-то ситуации следует руководствоваться не только разумом».

Уже давно Гастон Буассье выпустил восхитительную книгу о Цицероне и его друзьях, основанную на научных фактах. Хотелось бы увидеть подобную книгу об Эжене Минковском. В ней мы могли бы отметить, что почти столетия он занимался интеллектуальной и профессиональной деятельностью, столкнулся и обменялся мнениями со всеми, кого психиатрический и философский мир считал знаковыми личностями или мыслителями: от Бинсвангера до Анри Барюка и Анри Эй, от Куна до Вирша, и со многими другими, которых он встретил на своем жизненном пути. У него были ученики и последователи. Зена Хелман, профессор из Лиля, работавшая вместе с семьей Минковских, часто вспоминала о том, что их мэр, рассказывая об интеллектуальных событиях, отразившихся на его жизни, называл эссе «Опыт о непосредственных данных сознания» Бергсона и книгу «К феноменологии и теории симпатии и о любви и ненависти» Шелера (1913), переработанную и изданную в 1923 году под названием «Сущность и формы симпатии».

Хотя, возможно, это всего лишь несколько строк из предисловия к «Трактату о психопатологии», в котором содержится послание Эжена Минковского: «... жизнь проявляет себя сама как таковая: стычки, соревнования, враждебность, ненависть, все есть в ней; а люди, чтобы урегулировать конфликты, занимаются рукоприкладством, но не в этом заключено многообразие человеческой жизни. Это всего лишь один из ее аспектов, один из планов. В рамках этого плана тоже возникают позитивные факторы, по сути, они хотят смягчить ситуацию, ограничить негативное воздействие, однако такие позитивные критерии изначально превосходят рассматриваемый здесь план, запускают свои корни далеко вглубь, находя там истинный смысл существования. Кроме ежедневных рыночных отношений между людьми, существуют также единство, общение, родственная близость, солидарность между разными индивидами, которая отзывается эхом из глубины души каждого из них».

Вспоминая своих родителей, именитый педиатр Александр Минковский пишет: «Моя мать говорила: „Мы любим психические заболевания“. [Вместе с отцом] они были просто увлечены этим. Их жизнь была похожа на сражение, такой же стала и моя, может, в некотором

смысле даже вопреки моей собственной воле. Они никогда не говорили, что мне стоит быть увлеченным; это шло изнутри».

Ив Пелисье

Почетный профессор Медицинского факультета
Университетского госпиталя «Неккер»

Библиография

Fouks L., Guibert S., Montot M. La notion du temps vécu chez Minkowski. Ann. Mid. Psychol., 1988, 146, n° 8, 801–809.

Recueil d'articles (1923–1965) d'Eugène Minkowski. Cahiers du Groupe Française Minkowska. Au Livre psychologique, 1965.

Minkowski E. Le Temps vécu. Étude phénoménologique et psychopathologique. D'Artrey, Paris, 1933; Delachaux et Niestlé, Neuchâtel, 2e éd., 1968.

Minkowski E. Traité de psychopathologie. PUF, Paris, coll. «Logos», 1966.

Minkowski E. La schizophrénie. Paris, Desclée de Brouwer, 1953.

Minkowski E. Vers une cosmologie. Fragments philosophiques. Aubier-Montaigne, Paris, 1953.

Minkowski A. Le vieil homme et l'amour. Paris, Robert Laffont, 1994.

Преамбула

Взгляд в прошлое в связи с переизданием «Проживаемого времени»

Опережая «К космологии. Философские фрагменты» (1936) и являясь ее старшей сестрой, книга «Проживаемое время» вышла в свет в 1933 году, а затем была переиздана издателями Деляшо и Ниестле. Мне посчастливилось стать свидетелем того, как исполнилось одно из самых дорогих для меня пожеланий: узнать, что обе эти книги, распроданные за прошедшие годы, опубликованы еще раз. Как я уже писал в предисловии к переизданию «К космологии», вместе с «Шизофренией», которая впервые была напечатана в 1927 году, они представляют собой своего рода трехтомник, ставший основой всех моих последующих изысканий.

В 1933-м я совершенно не мог найти издателя. Мне пришлось печатать мои книги на свои собственные средства, обратившись за помощью к отцу. Только в типографии Ж. Л. Л. д'Арте согласились взяться за эту работу, они же отвечали и за продвижение книг. Тираж был тысяча экземпляров.

Господин Ж. Л. Л. д'Арте так страстно любил книги и литературу в целом, что не побоялся забросить успешную административную карьеру и занялся книгопечатанием в скромном издательстве, которое создал сам. Наш журнал «Развитие психиатрии», созданный практически сразу после окончания Первой мировой войны группой молодых психиатров, занимаясь поиском издателей, также вынужден был обратиться с просьбой в этот издательский дом. Я хочу вернуть долг чести, напомнив в преамбуле к переизданию моей книги об издательстве Ж. Л. Л. д'Арте и о человеке, который потратил огромное количество собственных средств, чтобы избавиться от материальных трудностей свой издательский дом и своих авторов. Скорее всего, без его помощи рукопись «Проживаемого времени» никогда бы не была опубликована.

Книга, которую мы с любовью представляем читателю, является переизданием первоначального текста, это не второе издание. Чтобы появилось второе издание, необходимо пересмотреть весь текст, внести коррективы в спорные моменты, с учетом новых сведений, собранных уже после первого издания. Мне кажется, пока я еще могу обойтись без внесения каких-либо корректив, так как по большей части это невозможно. И дело здесь вовсе не в том, что мне хотелось бы оградить себя от дополнительной работы; я руководствуюсь совершенно иными мотивами. В личностном плане этот источник прежде всего представляет собой единый блок, если можно так сказать; кроме того, безусловно, со временем, при работе над последующими книгами, мне приходилось возвращаться к тем или иным моментам, я старался углубиться в некоторые нюансы, сделать их более понятными, однако эта «ретушь» не изменила роль целостного первоначального «блока», который являлся фундаментом для моих последующих работ; многочисленные диалоги, множество книг, все это, несомненно, оказало влияние на мое мышление, но ничто не могло изменить мое сознание, руководствуясь которым я написал первоначальный текст этой книги, что отражено и в цитате из «Логики Пор-Рояля»¹, использованной мной в качестве эпиграфа к предисловию. В общем-то, я могу сказать, что данный источник является обобщением современного мышления, может, где-то более, а где-то менее глубоко рассмотренного, и все же, мне кажется, это достаточно легко заметить. Вопрос, с которым часто обращаются ко мне те, кто не смог достать эту, уже распроданную книгу («Когда же

¹ «Логика Пор-Рояля» – книга по дедуктивной логике, вышедшая в Париже в 1662 году анонимно под названием «Logique ou l'art de penser» («Логика или искусство мыслить»). До начала XIX столетия была самым популярным учебником логики, выдержала более 50 французских изданий, несколько английских и латинских переводов. Свое второе имя – «Логика Пор-Рояля» – книга получила по месту рождения – янсенистскому монастырю Port-Royal des Champs, где жили и работали ее авторы – французские ученые А. Арно и П. Николь. (Прим. ред.)

будет новая публикация „Проживаемого времени“?»), думаю, является свидетельством того, что от меня ждали именно ее переиздания.

Самая характерная черта данного произведения отражена в его подзаголовке: «Феноменологические и психопатологические исследования». Исследования, тесно связанные между собой. Здесь, наверно, нужно кое-что объяснить. Подобная тенденция наметилась еще при издании «Шизофрении»: влияние на меня Анри Бергсона легко прослеживается в этой книге; понятие «эмоционального контакта» заменяется там более обширным понятием «жизненного контакта»; благодаря работам Бергсона, нам с моим рано покинувшим нас товарищем Рог де Фюрсаком удалось описать патологический рационализм, что стало своеобразным пропуском к пониманию способа существования больных шизофренией, а также их особого мира, специфика которого во многом превосходит простое перечисление общеизвестных симптомов. Феноменология Гуссерля со временем присоединилась к феноменологии Бергсона, так как обе они были основаны на рассмотрении ближайших сведений и незначительно отличались друг от друга.

Так нам удалось сделать шаг вперед, это позволило говорить о философской направленности современной психопатологии. Однако данный термин может привести к недопониманию явления. Некоторые специалисты, преданные тому, что принято называть «фактами», и гордящиеся тем, что слово «философский», на их взгляд, отчасти обладает уничижительным значением, откажутся от этого мнения и даже станут его критиковать. Они не учитывают того, что сведения, выставленные напоказ в психопатологии так называемого «философского течения», вовсе не абстрактны, они тоже являются «фактами», просто иного порядка; если кому-то так больше нравится: это факты, которые в любом случае дают нам возможность значительно приблизиться к пониманию миров, порой странных и недоступных для восприятия с первой попытки, миров, в которых живут больные, в первую очередь, страдающие психическими расстройствами. На основании этого, именно психопатология предоставила нам честь подвести меня самого, а также и моих коллег психиатров-философов, к живой реальности, раскрывающейся во время контактов с больными, освободив нас от засилья философии в чистом виде. При таком рассмотрении мое предисловие обретает принципиально иное значение. Дело в том, что ни при каких обстоятельствах не стоит пытаться просто и конкретно противопоставлять сведения и методы, выделенные тем или иным философом в качестве значимых, соотнося их с областью психопатологии. Это непременно приведет к «гиперфилософичности» психопатологии, к опасности, которой я всячески пытаюсь избежать. О том же я постоянно напоминаю и моим младшим коллегам, только начинающим двигаться по этому непростому пути, объясняя, что подобные действия могут привести к полнейшей деформации психопатологии как науки. Истина и методы, которых следует придерживаться, существуют отдельно. Мне кажется, в наше время все сильнее и сильнее заявляет о себе новое мощное направление научной мысли, позволяющее осознать, что все отдельно существующие науки, объектом изучения которых является человек, имеют тенденцию к тому, чтобы превратиться в гуманитарные науки, и это не пустые слова. Я говорю об «антропологическом направлении». Центральным объектом наших исследований отныне является не просто индивид с его человеческим статусом, а человек вместе с его судьбой и призванием, которого мы изучаем в рамках философии, а также в рамках психологии и психопатологии, учитывая тот факт, что все эти дисциплины пытаются стать гуманитарными. Философы, чей «научный язык» достаточно часто непонятен нам, словно он существует как бы отдельно от нас, изучают человека со своих позиций, имея, кстати, больше возможностей, чем мы с вами, для того, чтобы указать направление движения вперед. В таком случае, почему мы не можем пользоваться источником, который принято применять в философии? Как раз наоборот: мне это кажется совершенно естественным. Повторю еще раз: речь не идет о каком-то точном и абсолютном копировании. Каждая область знаний обладает присущими ей особыми характеристиками, подчеркивающими ее значимость. Сведения и методы,

которые, так сказать, были позаимствованы из философии, обязательно будут проявлять себя в образе, свойственном и типичном для нашей области знаний, что потребует от них многочисленных изменений, в силу чего они становятся для нас очень полезными и инструктивными. Именно эту направленность мне и хотелось подчеркнуть в подзаголовке «Проживаемого времени», именно этой направленности я остался верен в моей самой последней книге «Трактат о психопатологии», которая была опубликована в издательстве «Университетская пресса Франции» («Presses universitaires de France») в декабре 1966 года.

Однако мне остается только надеяться, что, в отличие от ее автора, книга «Проживаемое время» сохранила свою первоначальную бодрость и актуальность, пожелать, чтобы ее путь был простым и легким, чтобы современный читатель принял ее хорошо.

Эжен Минковский

Предисловие

«Как бы мне хотелось, чтобы дебютные книги не были восприняты только лишь как незавершенная проба пера, когда авторы выносят на суд литераторов свои чувства, а затем, выслушав разные точки зрения, вновь принимаются за работу, чтобы довести свои творения до совершенства или до определенного уровня».
«Логика Пор-Рояля»

Проблема времени и пространства является центральной проблемой психологии, философии и, я бы сказал, всей современной культуры. Будучи генератором глубочайшего конфликта нашего существования, эта проблема в обязательном порядке должна быть проанализирована каждым из нас. Развитие техники и научные открытия стремятся победить время и пространство. Мы испытываем восторг, пользуясь постоянно появляющимися новинками технического прогресса, чем не можем не восхищаться. Однако подобное чувство благодарности нельзя назвать полным. Слишком часто мы испытываем глубокое отвращение, как если бы ритм жизни, навязанный развитием прогресса, жестоко давил на нас. Причина этого в том, что развитие прогресса ущемляет развитие прочих значимых человеческих ценностей. О, нет, не пытайтесь получать удовлетворение от того, что имеете. Иногда, чтобы обозначить одну из отличительных черт нашей эпохи, мы прибегаем к термину «варварская наука» и тут же с сожалением вспоминаем о возможности «сбавить темп» и о развлечениях в «старые добрые времена». Где-то в глубине души мы явно ощущаем растущее чувство протеста; нам вновь хочется отвоевать свое право на «время», право, которое, как оказалось, украла у нас современная жизнь.

А что бы мы могли сделать с этим отвоеванным временем? Впрочем, нужно ли на самом деле отвечать на данный вопрос, разве недостаточно того, что он уже существует? Нужно ли на самом деле «знать», что мы сделаем с этим временем, дабы понять истинную цену «свободного времени», того свободного времени, которое не совпадает по значению с отдыхом, необходимым нашим утомленным мозгу и телу, и уж тем более не совпадает с понятием скуки, однако позволит нам полностью расслабиться, насладиться прелестями жизни, слиться с ней воедино, побыть наедине с самим собой, заглянуть внутрь своего существа, поразмышлять, в конце концов, да так, чтобы не было необходимости искать кого-то, кто объяснил бы нам смысл наших размышлений? Нет, определенно, нам не хотелось бы отвечать на этот вопрос, так как дать на него ответ – значит составить какую-то программу, создать что-то, что может быть выполнено быстрее или медленнее, и снова подтолкнуть технический прогресс, выковать еще одно звено связывающей нас цепи, исключить любую возможность ощутить что-то непредвиденное, неясное, чарующее, исключить сотворение свободного времени, в котором мы так нуждаемся.

Здесь наука встречается с техническим прогрессом. Будучи порождением абстрактного мышления, она оставляет в стороне количественный феномен, не подчиняющийся законам дискурсивного мышления. Применяя к изучению понятия «времени» те же методики, что и к интеллигибельному пространству, он лишает время внезапности и, как говорил Бергсон, нивелирует все его естественные богатства. По мере того как он развивается, как формулируются все более и более общие законы, он все больше отдаляется от живого источника, из которого возник, чтобы в конце концов прийти к концепциям, представляющим собой лишь конечное выражение этой «абстракции», вытекающей из реальной жизни. В таком случае, необходимость возвращаться в прошлое не ощущается. Развитие точных наук и технического прогресса заставляет нас испытывать восхищение, но никак не радость. Увы, ощущая последствия этого прогресса на себе, мы испытываем желание отвести взгляд от идеала скорости и от времени,

заполненного до предела, так же быстро, как и от «четвертого космического измерения», чтобы иметь возможность дать задний ход, чтобы перевести взгляд на... Но на что же мы хотели бы его перевести? Тут важно не дать поспешный ответ. «На природу», – чуть было не сказал я, – при условии, что эта формулировка не будет воспринята буквально, что необходимость вернуться назад не будет заменена «программой», цель которой возродить «старые добрые времена» или возвратиться к более простой жизни; вот здесь мы как раз и рискуем попасть в свою собственную ловушку; в данном случае «вернуться назад» – значит быть мгновенно поглощенным «прошлым», с исторической точки зрения, даже не попробовав проанализировать феномен времени, как если бы этот возврат в обязательном порядке должен быть связан с временным значением. На самом деле прошлое, когда оно еще было настоящим, ничуть не более притягательно, чем унылое настоящее; как мне кажется, о «старых добрых временах» мы говорим лишь потому, что, сами того не понимая, проецируем туда то, от чего хотим отказаться в нашем собственном настоящем. Более того – и этот аргумент, наверное, еще более значим: нам не удастся, ни при каких обстоятельствах, перенести в прошлое идеал, существующий в нашем воображении только в будущем, ибо это противоречит самой его сути. Нам не хочется ни отрицать, ни отречься, ни разрушать, ни двигаться назад – вот и еще одно доказательство варварства. Кроме того, уж не имеет ли наше желание попасть в прошлое одну-единственную цель: вновь прикоснуться к жизни и ко всему, что в ней есть «естественного» и «примитивного»? По сути – вернуться к первоисточнику, из которого ключом бьет не только сама наука, но и все прочие проявления духовной жизни, и, пока наука не подчинит их своим законам, успеть заново изучить основные виды примитивных, на наш взгляд, взаимоотношений среди всего многообразия феноменов, из которых, собственно, и состоит жизнь, посмотреть, нет ли у нас возможности добыть что-нибудь еще, что не было создано наукой, не бросаясь при этом ни в примитивный натурализм, ни в мистицизм, порой удаленный как от науки, так и от реальной жизни, и «рационально оценивая» изображения, что бы это ни было. Мы хотим посмотреть, не используя «никакого оборудования», и рассказать о том, что видим. Здесь, несмотря на внешнюю простоту, перед нами стоит очень сложная задача.

На основании подобных рассуждений в наши дни возникли феноменология Гуссерля и философия Бергсона. Первая стремилась изучить и описать все феномены, из которых состоит жизнь, не признавая в ходе изучения ограничений и указаний, ни под каким предлогом, какова бы ни была его природа и насколько бы это ни выглядело законно. Вторая с удивительной дерзостью противопоставила интуицию и разум, живой и неживой мир, время и пространство. Оба эти течения стремительно и всерьез повлияли на всю современную научную мысль. Думаю, произошло это потому, что они соответствовали реальной глубочайшей потребности нашего бытия.

При рассмотрении понятия времени в частном порядке именно эти мыслители помогли нам осознать, что выражение «победить время» вовсе не сводится к получению дополнительного времени для развлечений и времяпрепровождения; оно может быть рассмотрено лишь как критический анализ различных суждений относительно этого феномена. Как мне кажется, в наши дни, только заплатив такую цену, можно получить возможность высвободиться из рабских оков, в которых нас удерживает современная культура, навязывающая свое видение времени. В данном случае речь идет не о том, чтобы получить немного свободного времени, а о том, чтобы научиться спонтанно и свободно жить во времени. Проблема времени, несмотря на всю его абстрактность, стала, тем не менее, проблемой наиболее связанной с реальной жизнью, одной из самых личных проблем для каждого из нас.

Для меня в течение долгих лет именно эта проблема была основной отправной точкой моих собственных научных изысканий. В июле 1914 года, накануне мобилизации, я заканчивал исследование по теме «Основные составляющие понятия „время-свойство“». Выражение «время-свойство» само собой отражает, каким образом повлияли на меня, еще тогда, в те дале-

кие годы, труды Бергсона. И с тех пор это влияние только увеличивалось. Оно было настолько значительным, что порой, перечитывая труды Бергсона, я обнаруживал идеи, которые ранее мне казались собственными, более того, иногда мучаясь сомнениями, я задавался вопросом: а удастся ли мне привнести в эту теорию что-то свое? Именно Бергсон помог мне избавиться от всех сомнений. «Подобная философская идея не может быть обоснована в течение одного дня», – писал он в своих работах. «В отличие от различных систем знаний в чистом виде, каждая из которых представляет собой труд гения, выступает в качестве блока знаний, а мы либо принимаем его, либо нет, данная идея может быть создана лишь совместными усилиями огромного количества мыслителей, наблюдателей, дополняясь, корректируясь и совершенствуясь и одними, и другими». Эти слова подтолкнули меня упорно продолжать свои изыскания.

Исследование, упомянутое выше, так и не увидело свет. Война, затянувшаяся на годы, отодвинула всю философскую мысль на задний план. Нам приходилось выживать в условиях, фундаментальные ценности которых значительно отличались от ценностей мирного времени и совершенно не были связаны между собой. Однако философская мысль никогда не угасала полностью. Иногда, под прикрытием временного затишья, она позволяла себе уместиться в нескольких абзацах. Именно так в 1915 году я сделал наброски двух исследований: одно – о «Фундаментальных характеристиках жизненного порыва» и второе – о «Памяти и забвении»; а в течение зимы 1916–1917 годов, будучи в достаточно комфортных условиях землянки в зоне перемирия в районе Эна, я попытался завершить тезисы по работе «Феноменология смерти». В конце концов, после службы в армии, я начал составлять подробный план достаточно серьезной работы, для которой выбрал название: «Как мы будем жить в будущем (а не то, что мы знаем об этом)». Целью создания данного исследования мог стать системный анализ феноменов, обращенных к будущему, взаимосвязь этих феноменов и их взаимодействие во всем многообразии в контексте проживаемого будущего. Занимаясь этим исследованием, я все более и более полно открывал для себя фундаментальную истину, понимал тесные связи, если не сказать идентичность, существующую между проживаемым будущим, с одной стороны, и идеалом, который при желании можно обозначить как этическое стремление к хорошему и лучшему, с другой стороны.

Однако все эти исследования находились в состоянии заготовок. Во время войны мы стремились к миру, надеялись заново начать жить с того момента, когда мир был нарушен. На самом же деле настал еще один период, наполненный трудностями, разочарованием, невезением, мучительными усилиями, а во многом – период опустошения, направленный только на адаптацию к новым условиям существования. Несмотря на благосклонное затишье, философской мысли было еще далеко до возрождения. Долгие бесплодные и мрачные годы предшествовали войне. Мои труды покоились глубоко в ящике письменного стола.

Безусловно, здесь не к месту обращать внимание на психологические проблемы военного и послевоенного времени. Прошу извинить меня даже за это небольшое отступление. Обращаясь к нему, я всего лишь хотел обозначить кое-какие факты моей личной жизни, которые, как мне кажется, помогут лучше понять общее направление и процесс создания этой работы.

Война коренным образом изменила всю мою жизнь.

Изучать медицину я закончил в 1909 году, но впоследствии, увлекшись философскими проблемами, все больше и больше отдалялся от медицины; был момент, когда я хотел бросить ее полностью. Однако в годы войны пришлось снова заняться медициной, в частности – психиатрией. После войны меня поглотила профессиональная деятельность, экзамены и, конечно, рутина, что, в совокупности, абсолютно не оставляло мне свободного времени и, как результат, душевного покоя. В таких условиях, разумеется, и речи не шло о том, чтобы немного пофилософствовать *philosophari*. Мои исследования были обращены к проблемам клинической психиатрии и психопатологии, а проекты работ о времени по-прежнему покоились в письменном столе. Но рассуждения на эту тему, редкие в силу затянувшегося молчания, не исчезли

полностью: они будоражили меня как призраки прошлого, словно требуя вернуть им право существовать в мире света; именно поэтому понятия, которые изучаются в психопатологии и которые я пытался определить как понятия соединения жизни и реальности, искажались, становясь похожими на концепцию Бергсона; и все же, изменения, происходившие с понятием времени при различных формах психоза, неизменно притягивали мое внимание. Я позволял таким идеям проникать в мои труды по психопатологии, но, уверяю вас, поступал так с некоторыми сомнениями. Собранные ранее сведения о понятии времени никогда прежде не публиковались, попытка наложить их на сведения по психопатологии в любом случае была фрагментарной, не хватало базовой информации, полноты, а иногда и понимания. Может быть, в тот момент я рассчитывал отбросить проблему времени, опустив ее с «высот» философской мысли к «низам», где случаи доступны для наблюдения, в частности случаи различных патологий.

Сегодня я смотрю на это по-иному и прекрасно осознаю, что такой значимый переворот мне пришлось пережить волею судеб. Психиатрия приближена к жизни; она способна вносить поправки не в саму философскую мысль, но непосредственно в философию, которая ею руководит; теперь, перечитывая свои довоенные записи, я на самом деле считаю, что мне удалось избежать опасности сделать абстрактные, не связанные с жизнью умозаключения. С другой стороны, сам по себе факт, не исключающий возможность наложения общих знаний о времени на факты психопатологии, не только не принижает значимость последних, а, наоборот, обогащает их, вдыхает в них новую жизнь. Сейчас я более чем убежден: любые проявления психопатологии могут быть поняты и глубже изучены под углом феномена времени, а также непрерывного сопоставления нормы и патологии, рассмотренных именно с этой точки зрения, – вот основной, если не сказать единственный, путь, дающий возможность добиться значительного прогресса в исследовании данного феномена. Изучение патологии демонстрирует нам, что феномен времени и феномен пространства проявляются в больном сознании иначе, чем обычно мы их себе представляем; такое изучение подчеркивает характерные черты этих феноменов, которые, в силу незначительного различия между ними в обычной жизни, остаются незамеченными либо рассматриваются как совершенно естественные. Таким образом, патология стала для меня не только чем-то вроде крайнего средства, позволившего мне продвинуть, может, даже контрабандным путем, мою теорию, но превратилась в ценнейший источник, из которого, возможно, я и почерпнул лучшие свои знания. Сегодня я уже не смог бы работать иначе, чем меня заставила сама жизнь.

Вдобавок сказался на мне и еще один значимый виток в моей судьбе. Я много лет жил и учился в Германии, поэтому имел обыкновение писать на немецком языке. За годы войны я научился думать и писать по-французски. Чтобы написать целостное исследование, мне пришлось полностью перевести все мои предыдущие работы. «Перевести» в данном случае не совсем подходящее слово. Язык все-таки не является неизменяемым инструментом, это живой организм, если выразиться точнее – это «переносчик» того, что принято называть общими идеями и личными соображениями. При таком многообразии различных мнений в области мышления и способов его выражения, превращающихся, как кажется при первичном рассмотрении, в барьеры понимания, перед нами возникает вопрос, решить который возможно только путем четкого противопоставления определений: «глубокий» и «поверхностный». Однако иногда наша жизнь ставит перед собой задачу просветить нас по этому вопросу. И мы учимся осознавать, что так называемое «поверхностное» может иметь свой собственный глубинный смысл, тогда как, с другой стороны, глубина, слишком продвинутая вперед, рискует стать немного поверхностной. Как бы там ни было, но, когда это произошло со мной и все мои идеи и записи были разрушены, первоначально я столкнулся с такими трудностями, что мне хотелось, и даже не раз, забросить все. Тем не менее, я попытался преодолеть эти трудности и, на сегодняшний день, скорее склонен считать, что все, связанное с психопатологией, в период этого второго витка моей жизни было для меня скорее благом, чем препятствием.

Столь долгая эволюция имеет, безусловно, и некоторые отрицательные стороны. Мы привязываемся к идеям почти так же, как к людям, а иногда даже сильнее, и потом с сожалением следим за тем, как они исчезают. Но мы не в состоянии отказаться от них полностью, с того самого момента, когда они стали нам дороги, даже если они уже кажутся устаревшими, так как их появление – это один из этапов нашего личного развития; поэтому для них мы бережем местечко в своей работе, позволяем им проникнуть в ее содержание, несмотря на риск лишить текст ясности, наполнив лишними деталями, которых там быть не должно.

Именно по этой причине данное сочинение, в первоначальном его виде, имело не связанные между собой части, созданные в разное время в течение долгих двадцати лет. Некоторые я написал, вдохновившись проблемами философии и благодаря им, иные – изучая феномены психопатологии; одни уже были опубликованы и написаны в виде статей, другие просто лежали среди бесчисленного количества исписанных мною бумаг; видимо, поэтому с первого взгляда казалось, что эти несвязанные части представляют собой разнородную бесформенную массу.

Я нашел в себе силы объединить их в единое целое и обобщить; очень надеюсь, что мне это удалось, по крайней мере, частично.

Чтобы обозначить как-то усилия, потраченные на объединение всего этого массива, я решил использовать слово «хронология». Думаю, в данном случае оно на своем месте, хотя в обычной жизни используется в совершенно другом значении, в самом банальном из всех имеющихся. Поэтому я отказался от мысли дать такое название своей работе. Но хочется верить, что настанет день, когда мы сможем употреблять слово «хронология», понимая его глубокое первичное значение.

Часть I

Очерк о временном аспекте жизни

Глава I

Становление и основные составляющие понятия «время-свойство» (Принцип развертывания)

1. Предварительное изучение

Когда в повседневной жизни заходит речь о времени, мы инстинктивно бросаем взгляд на часы либо смотрим на календарь, как если бы все, что имеет отношение ко времени, ограничивалось лишь определением для каждого события какой-то конкретной точки, выраженной в годах, месяцах, часах и отрезках, которые отделяют эти события друг от друга.

В клинической практике применяются точно такие же положения. В них говорится о дезориентации во времени, а чтобы доказать это, предлагают нам спрашивать больного о дате его рождения, о длительности его пребывания в больнице или о текущей дате. Точно таким же образом медицина судит о наличии брадипсихии (больные эпилепсией), принимая во внимание сниженную скорость их реакций по сравнению с реакцией нормального человека, скорость, которую можно было бы измерять в случае необходимости, используя часы, выражая значения в минутах и секундах. Вот еще раз мы сталкиваемся с той концепцией времени, что базируется на экспериментальных исследованиях возможностей оценивать, при различных условиях, измеряемые отрезки времени, а также отклонения от нормы, которые могут возникать в процессе таких измерений при наличии патологий.

В данном случае ни для кого не составит труда заметить, что здесь речь идет об измеряемом времени или, если выразиться языком Бергсона, времени, ассимилированном с пространством. Кстати, такие выражения, как «измерение», «расстояние», «интервал», применяемые и с термином «время», и с термином «пространство», являются достаточным тому доказательством. Вместе с тем, при наличии патологии дезориентация во времени существует одновременно с дезориентацией в пространстве, как если бы оба эти вида дезориентации не были проявлением одного и того же недуга; здесь мы видим, что они существуют бок о бок в случаях галлюцинаторных помешательств или помутнения сознания, когда окружающая реальность словно приостанавливается и замещается вымышленным миром, а также в случае умственной деградации, когда по причине расстройств памяти теряется способность воспроизводить в нужное время названия мест, конкретные даты, привязанные в нашем сознании к различным событиям повседневной жизни.

Однако давайте оставим этот аспект времени. Он представляет собой слишком ограниченную основу для того, чтобы провести глубокое исследование феномена времени. И понять это не так уж и сложно.

Монотонная жизнь в окопах иногда приводила к тому, что мы забывали дату и день недели; учитывая условия, в которых мы находились, будучи вырванными из традиционного целостного уклада жизни, эта информация, если разобраться, не представляла для нас в тот момент абсолютно никакого интереса; вдобавок, приспособившись к обстоятельствам, мы создали для себя другой «календарь», более соответствующий ситуации: мы просто подсчитывали

вали дни, прошедшие с начала нашего пребывания на передней линии фронта, и дни, которые нас отделяли от возвращения в расположение войск, чтобы передохнуть. Мы были дезориентированы во времени, в общем смысле этого понятия, что иногда соответствовало действительности; но, вместе с тем, мы начинали громко возмущаться, стоило кому-то назвать нас «существами» вне времени, если можно так выразиться. И наоборот: вдали от усеянного смертями опустошения все наши страдания были связаны со временем; мы не выдерживали монотонных, мучительно долгих дней, сменяющих друг друга, и боролись со *скукой* (феномен, легко постижимый, стоит только осознать, что по природе своей он тесно связан с понятием времени), которая, подобно смертоносной, липкой массе проникала внутрь нас, угрожая превратить в ничтожество. Разве никто никогда не говорил, что во время войны мы сражались не только с врагом, но и со скукой?

Следующий пример я позволю себе позаимствовать из детской психологии. Когда моему сыну было шесть лет, я провожал его до школы; мы вместе завтракали, после чего я выкуривал сигарету, а затем мы отправлялись в школу. Однажды утром, проснувшись позже обычного, я обратился к сыну, спокойно допивающему молоко: «Поспеши, малыш, иначе мы опоздаем». Ответ не заставил себя долго ждать: «Но, папочка, мы не можем опоздать, ты же еще не выкурил свою сигарету». В представлении ребенка отложилась определенная последовательность действий; безусловно, здесь он применил свое понятие порядка действий во времени, и хотя осознавал, что время абстрактно и протекает независимо от происходящих в нем событий, с которыми оно соотносится, но все-таки ошибся.

При изучении патологий мы сталкиваемся с подобными фактами. Больной общим прогрессирующим параличом, если стадия заболевания еще не слишком тяжелая, демонстрирует способность рассказывать в правильном хронологическом порядке, чем он занимался во время войны, но в то же время не способен сообщить нам, ни когда началась война, ни когда было подписано перемирие. Что касается больных старческим слабоумием, каким бы парадоксальным это не казалось, можно отметить, что, несмотря на огромные проблемы с памятью и полнейшую дезориентацию, их мышление в рамках псевдологии и всех прочих психических проявлений всего лишь распространяется во времени; достаточно часто, в каждой фразе, которую они говорят, можно обнаружить представление о временном порядке. Хочу привести один из множества имеющихся примеров: больная в возрасте 78 лет, с признаками серьезной умственной деградации, уже не знает, ни сколько ей лет, ни когда она родилась, ни какой сегодня день, ни то, как долго она находится в больнице; но заметьте, что она говорит: «Моя мать (Ее мать давно умерла.) приходила каждый день, а сегодня не пришла; она приходила каждый день, по моему, она не приходила вчера; но она всегда приходила ухаживать за мной. До сегодняшнего дня сыновья приходили сюда постоянно, а сейчас я больше не встречаюсь со своими внуками, как раньше. Когда я думаю о них, мне кажется, что прошел целый век, с тех пор как я их видела. Если бы я могла их видеть два или три раза в неделю, то знала бы, что мы виделись недавно и вскоре я их снова увижу». Итак, чтобы немного сменить круг идей, давайте вспомним о страдающем шизофренией пациенте господина Жильбера Робена, который выстрелил из револьвера в свои наручные часы и, как минимум символически, убил таким образом время, так как считал его своим злейшим врагом.

Впрочем, не будем пока задерживаться на этих примерах, поговорим о них позже. Здесь нужно было привести их исключительно для того, чтобы доказать, что ни мысль о возможности измерять время для нормальных людей, ни понятие дезориентации во времени при наличии патологий не в состоянии изложить феномен проживаемого времени; они представляют собой лишь малую часть, всего лишь один из абстрактных аспектов, а значит, находятся очень далеко от существующей реальности и потому не могут использоваться в качестве отправной точки при полном анализе времени. Между тем, мы не занимаемся поиском этой самой отправной точки ни среди психопатологических сведений, ни в детской психологии, ни среди различных

особых обстоятельств обычной жизни; все эти факты включают в себя, по сути, один из элементов отклонения от нормы или неполноценности, поэтому в данном исследовании им сразу же отводится роль вспомогательных факторов. А нам в первую очередь необходимо представить к рассмотрению феномен времени во всем его многообразии, во всей его оригинальности и со всеми специфическими особенностями.

С этой точки зрения, необходимо сделать еще одно примечание. Время, ассимилированное с пространством, как все мы с вами знаем, грешит чрезмерной статичностью. Однако необходимо, тем не менее, остерегаться, если не более того, изображений времени, которые, как мне кажется, наоборот, грешат излишним динамизмом – совершенно искусственным, как мы его представляем себе. Слишком часто феномен времени предстает в нашем восприятии в виде какого-то калейдоскопа, переливающегося у нас перед глазами разными красками каждый миг, без остановки, снова и снова, а картинки, возникающие так, иногда связаны с событиями внешнего мира, иногда с эпизодами нашей личной жизни. Таким образом, в нашу жизнь примешиваются идеи о замещении, о круговороте и безумной гонке, о бесконечной очередности, которые не приносят в нашу потребность размышлять и медитировать ни одной отправной точки с хотя бы незначительной надежностью. Я вспоминаю, какое впечатление произвело на меня описание времени в книге Циена: «Нам никогда не понять *лоу ото*². Мы захвачены своими представлениями и своими ощущениями. Мы не можем ни остановить их, ни выпрыгнуть из везущей нас вперед колесницы, чтобы остаться всего лишь зрителями. Каждая мысль, связанная с нашими представлениями, сама по себе уже является новым представлением. Как только нам кажется, что удалось уловить миг А, мы тут же становимся жертвой мига В». При таком описании почти сразу возникает желание воскликнуть: «Но это неправильно, *лоу ото* существует, мы все знаем об этом в каждый миг своего существования, у нас есть возможность стать зрителем, порой нас даже призывают стать им, в чем и заключается одна из основных задач нашей жизни; а если возникают разногласия, то уж конечно они не связаны с немедленными данными сознания, которые во всем виноваты, а зависят от неправильной оценки описаний».

В одном из моих первых исследований я обсуждал данный вопрос более объективно:³

«Эта схема является результатом комплексной проекции психической реальности в конкретное время, как его понимают в контексте физики. Одного взгляда на нашу психическую жизнь достаточно, чтобы показать, что вышеупомянутая схема совершенно не соответствует действительности. Во-первых, мы не воспринимаем время только как непрерывную последовательность различных элементов нашего сознания, на чем настаивает Циен; нам также известен фактор длительности его элементов; с другой стороны, феномены, связанные с памятью, подразумевают отношения прошлое-настоящее, которые никоим образом не могут базироваться на простой последовательности фактов.

Однако здесь совсем не сказано *априори*, что в психической реальности отсутствуют феномены, подчиненные реальности последовательности во времени, в силу чего способные сами выступить в качестве отправной точки при изучении этой реальности. Иначе говоря, прежде, чем применить схему, упомянутую выше, нужно доказать правомерность полного проецирования психической реальности на конкретное время. В противном случае эта

² Где следует остановиться (*греч.*). (Здесь и далее *прим. автора.*)

³ Betrachtungen im Anschluss an das Prinzip des psychophysischen Parallelismus. Arch. F. die gts. Psychologie, t. XXXI, 1914.

схема станет отображением всеобщей тенденции приравнять любой ценой психическую реальность и материальное становление».

Сегодня я, скорее всего, выразил бы свои идеи немного иначе, но суть моей мысли остается прежней. Такая разновидность калейдоскопа, о которой говорилось ранее, на самом деле – всего лишь способ приспособления к пространству и чрезмерная рационализация времени. Оно здесь разложено на рядом стоящие пункты; после их ментального выстраивания друг за другом с достаточно высокой скоростью они представляются нам пунктами с разными состояниями сознания, которые предположительно должны там быть, и являют собой точную картину течения жизни во времени. Однако на самом деле проживаемое время совершенно не соответствует этой схеме. Синоним понятия «динамизм» кажется, тем не менее, почти совпадающим с феноменами длительности и стабильности (противоположными, по сути своей, понятиям неподвижности и смерти); кроме того, существуют феномены, которые, если бы они протекали во времени, содержат, помимо всего прочего, понятие времени внутри них самих и выступают сами по себе в качестве, так сказать, «временных знаков»; позволю себе для примера перечислить лишь некоторые из них, такие как воспоминания, обращенные в прошлое, а также желание и надежда, устремленные в будущее и способные создавать, даже заново создавать его для нас. Очевидно, что эти феномены ОСОБО заслуживают нашего внимания, и обращаться к ним мы будем по ходу всей этой работы; но уже сейчас становится ясно, что нам недостаточно изучить их только как нечто протекающее во времени, потому что по их содержанию или, более точно выражаясь, по их особенной структуре, они сами собой определяют общую связь проживаемого времени, а значит, именно того времени, которое мы хотим изучить.

На данном этапе вряд ли необходимо говорить, что проблема, затронутая здесь, не имеет ничего общего с проблемами, изучаемыми в физике, основанными на современных теориях относительности. Фолькельт ранее уже настаивал на необходимости обратить внимание на этот нюанс⁴.

В физике за отправную точку был принят пространственный аспект времени, в этом направлении он продвигается только от абстракции к абстракции. Что же касается нашей идеи, она продвигается в принципиально противоположном направлении; пресытившись этими абстракциями, она пытается обернуться «назад», к проживаемому времени, учитывая все его особенности⁵.

2. Становление

Что же такое время?

Выражаясь словами Бергсона, это «жидкая масса», волнующийся, грандиозный, чарующий, могущественный океан, который простирается вокруг меня, во мне, повсюду, а когда я размышляю о времени, заключен в одном слове: становление.

Я его обозначаю лишь приблизительно и конечно же не совсем точно; я это осознаю, когда говорю, что время течет, что оно идет, что оно пролетает безвозвратно, но также движется вперед, развивается, уходит в неизвестное и расплывчатое будущее.

Я признаю, что выражаю свои мысли несовершенно. Это чистая правда. Такое несовершенство, между тем, связано вовсе не с недостаточным количеством средств выражения, а с осознанием того, что становление не нуждается в необходимости быть выраженным. Это зна-

⁴ Johannes Volkelt. *Phenomenologie und Metaphysik der Zeit*. München, 1925.

⁵ Недавно появилась серьезная работа М. Хайдеггера «Бытие и время» («*Sein und Zeit*», 2-е издание, 1929). Это философское произведение, посвященное изучению феномена времени и места, которое ему отведено в жизни, имело серьезное влияние на работы по психологии и психопатологии на немецком языке. Я познакомился с книгой М. Хайдеггера, когда уже серьезно продвинулся вперед в своих исследованиях, причем настолько, что уже не мог должным образом углубить его идеи, чтобы выделить их в этой работе и обсудить общие моменты и расхождения во взглядах, которые могли возникнуть у нас.

чит, что во всем своем чарующем могуществе оно не дает нам ни единой волны, от которой мы могли бы оттолкнуться, чтобы в общих чертах обозначить взгляд или суждение на этот счет. Своими волнами оно укрывает все, что мы хотели бы у него узнать; у него нет ни предмета, ни объекта, ни отдельных частей, ни направления, ни начала, ни конца. Оно не является ни обратимым, ни необратимым. Оно универсальное и безличное. Оно может быть хаотичным. И при этом оно рядом с нами, так близко, что само по себе является основой нашей жизни. Еще немного, и мы могли бы сказать, что оно и есть синоним жизни в самом широком смысле этого слова.

Обычно мы определяем время как абстрактное понятие, которое по природе своей сводится к конкретным изменениям, наблюдающимся либо в нашем сознании, либо во внешнем мире. В сущности, это совсем не так. Время предстает перед нами как простейший феномен, живой, всегда присутствующий здесь, рядом с нами, намного ближе, чем все конкретные изменения, которые нам удастся разглядеть во времени. Оно совершенно не позволяет себя исчерпать последовательностью наших чувств, наших мыслей, наших проявлений воли.

Я бы даже сказал, что оно ощущается во всей своей чистоте, когда нет ни единой мысли, ни единого чувства, четко обозначенного в сознании; тогда время заполняет его полностью, стирает границу между мной и не мной, оно охватывает как мое собственное становление, так и становление вселенной или совсем короткое становление; оно заставляет их сливаться воедино и перепутываться между собой; кажется, что мое собственное «я» растворяется в нем полностью, при этом я не испытываю мучительного чувства ожидания, примешанного в мою целостную личность. Наоборот, это единственная возможность отказаться от своего «я», в сущности, не совершая акта отказа. Мы смешиваемся с могучими потоками, безликими, лишенными «гражданского состояния», без будущего, без проблем, без малейшего противостояния, испытывая чувство удовлетворенности и душевного покоя, если допустимо так сказать.

А попроси нас противопоставить становление нескольким конкретным феноменам, вряд ли бы в первую очередь мы подумали о последовательности чувств и представлений или о неслаженных телодвижениях, а значит, об изменениях во времени, со временем или относительно времени, точно так же, как и о развитии творческой личности, с одной стороны, и о проматывании времени, о старости и смерти – с другой.

Феномен становления основывается на идее $\lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\ \rho\epsilon\acute{\iota}$ ⁶, которая, не переставая, проходит через философские взгляды со времен античности и до наших дней. Однако следует остерегаться мнения, что в этой формуле $\lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ выступает как сумма изолированных частиц, каковы бы они ни были, ибо в таком случае эта формула будет преобразована в так называемый калейдоскоп, уже упомянутый ранее. На самом деле $\lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ – простая составляющая, которая ни при каких условиях не может раскладываться на «всё», состоящее из $\rho\epsilon\acute{\iota}$ и ни из чего другого более. С этой точки зрения, скорее всего, правильнее будет сказать, $\rho\omicron\acute{\iota}\ \rho\epsilon\acute{\iota}$ ⁷, чтобы подчеркнуть, что простое становление не допускает никакого конкретного нижнего слоя. Кроме того, нельзя упускать из виду и то, что эта формула включает, как того требует дискурсивное мышление, подлежащее и глагол, тогда как становление и не содержит такого разделения, и не нуждается в этом: в нем все перемешано и ничто не может быть из него удалено.

Нам не остается ничего иного, кроме как обратить внимание на то, что становление имеет иррациональный характер. Даже самые простые процессы дискурсивной мысли, кажется, противоречат его природе.

Мы также можем выразить становление, сказав, что нам не удастся получить по отношению к нему достаточное расстояние, чтобы сделать его предметом наших знаний. Оно для этого слишком близко к нам. Желание познать его, проанализировать, представить его ничему

⁶ Все течет, все изменяется (*греч.*).

⁷ Ро́й, течение (*греч.*).

не соответствует, так как каждое мгновение мы можем его проживать, ощущать – оно прямо перед нами.

Таким образом, нам удалось избежать упрека в анализе становления только с негативной стороны, выставив на обозрение его иррациональный характер. Этот упрек, по сути своей, и является выражением главенства дискурсивного мышления, принятого без всякой критики. Здесь вовсе не идет речь о действительной недостаточности и полной относительности нашей мысли в отношении феномена времени. То, что предстает пред нашим взором, является чем-то позитивным, в том смысле, который мы здесь определяем как основное несоответствие между феноменом становления и методами дискурсивного мышления. Становление отстраняет от себя, в силу своей природы, любое суждение, любой признак, любое подлежащее, любое сказуемое. Приспособленное к человеку, дискурсивное мышление оказывается неспособным обратиться к становлению. Становление недостижимо для знания, и не потому, что находится позади известного, но потому, что является, если можно так выразиться, данностью, и нет ни одного вопроса по сути его природы, который бы относился к области дискурсивного мышления.

Здесь мы обнаружили подтверждение того, что было сказано на счет иррационального характера становления, к чему приходит логика, с удивительной легкостью демонстрируя нам, что время само по себе противоречиво. Вот, например, одна из схем: «прошлое» уже прошло, его больше нет; а «будущего» еще нет; и «настоящее», таким образом, находится среди двух «ничто»; но «настоящее» – это данный момент, «сейчас» – точка, в которой отсутствует протяженность; с того мига, как «настоящее» появилось, его уже снова нет; а значит, «сейчас» тоже противоречиво, тоже является «ничем». Так реальность «сейчас» сокращается до момента и до «ничто», будучи расположенной также между двух «ничто»⁸.

Эти рассуждения, между тем, совершенно не доказывают, что время на самом деле является «ничем». Для этого следовало бы признать, что аргументы, которые здесь приведены, имеют не просто абсолютное, а исключительное значение. Но об этом не может быть и речи. Сущность времени слишком богатая, оно слишком «живое», чтобы мы могли привязать время к формуле, сводящей его до «ничто». Аргументация, приведенная выше, насколько бы надежной она ни казалась, служит только для того, чтобы продемонстрировать, что время становится «ничем», если мы будем рассматривать его только с точки зрения логики; она говорит лишь то, что время иррационально, что оно способно просто сократиться до «ничто», если мы будем применять к нему принципы дискурсивного мышления, поэтому впоследствии к нему не должна, ни при каких обстоятельствах, применяться данная точка зрения.

По ходу дела отметим, что паралогизмы такого вида встречаются не так уж и редко. Именно так, отталкиваясь от принципа детерминизма в области материального реализма, мы показываем со всей необходимой строгостью, что факты психологии могут быть только вторичным явлением. На самом деле одного беглого взгляда на эти факты достаточно, чтобы доказать, что они ничего собой не представляют. Конечно, они превращаются во вторичные явления, если мы их рассматриваем, используя способ, который только что был указан. Но, по сути, ничто не может нас заставить анализировать их таким образом, и любое умозаключение, приводящее к подобным выводам, доказывает лишь одно: физическая реальность, если ее рассуждения изменяются до уровня воли, противоречит предпосылкам, на которых она основывается⁹.

⁸ Фолькельт в своих работах обращает внимание на то, какое место отводится подобным рассуждениям в философии.

⁹ У меня уже была возможность акцентировать внимание на этой точке зрения в моей работе «Betrachtungen im Anschluss, etc...».

Аналогичным образом, сокращение времени до «ничто» демонстрирует всего-навсего его несоответствие постулатам, на основании которых это сокращение и было выполнено, а также необходимость применения для его изучения более свойственных его природе методик. Но в таком случае, с чего же начинать изучение времени?

3. Переход от проживаемого времени к времени, ассимилированному с пространством; его последствия методологического порядка

И вот наступает переломный момент. Будучи приверженцами философии Бергсона, мы смогли выявить иррациональный характер становления. Но как быть с возникшим основным противоречием между проживаемым временем и дискурсивным мышлением?

Только одно решение приходит на ум. Время, если это не связано с его анализом, обладая своим особенным аспектом, требует особенной методики изучения, свойственной его природе, – как минимум для того, чтобы выделить его лучшие характеристики. Бергсон в данном случае рекомендовал интуитивный метод. Впрочем, здесь неуместно упоминать всю значимость его трудов. Похоже, сейчас перед нами возникают два пути. Мы можем, как поступал и сам Бергсон в работе «Творческая эволюция» («L'Évolution créatrice»), предоставить времени более прочное и устойчивое основание, рассматривая его в качестве биологических феноменов, и таким образом прийти к понятному мнению о взаимосвязи всех событий в природе. Но точно так же мы можем попытаться основываться на знаниях о свободных феноменах. В таком случае, не придется ли нам искать выход в тупике, в который, как мне кажется, мы сами себя загнали ранее, упорно противопоставляя дискурсивное мышление и интуицию, пространство и время?

Давайте вернемся назад. Мы отвергли идею калейдоскопа. Однако эта идея могла бы возникнуть в сознании того, кто ее выдвинул. Безусловно, здесь не идет речь об истинном времени, но, тем не менее, здесь может быть один из аспектов времени. Будет ли считаться, что я признаю свою ошибку, если за точку отсчета решу принять идею о последовательности событий, и мне удастся, для себя лично, воссоздать вышеупомянутую идею о калейдоскопе? Да, порой я не просто представляю себе этот калейдоскоп, но и испытываю его самыми необычными способами. Когда ко мне подкрадываются усталость, отчаяние, разочарование, все мне начинает казаться мимолетным, эфемерным, расплывчатым. Жизнь, даже моя собственная жизнь, все, что происходит вокруг меня, как будто исчезает со временем, так что мне не удастся там даже задержаться, а размытое ощущение «ну и что теперь?» охватывает все мое существо. Это происходит нечасто и достаточно быстро проходит, но все-таки так бывает, а значит, также передает особенный аспект времени. И, если бы эти моменты, как, кстати, и более рациональное представление о калейдоскопе, не служили нам только в качестве методов сравнения, чтобы выявить строение времени во всем его первичном объеме, они не могли бы оказывать такого воздействия, не имея никакой связи с ним.

Именно по этой причине в каждом учении, пытающемся проникнуть в глубочайшую природу времени, как мы видим, возникает еще и скрытый план, своеобразный, безмолвный, но неотъемлемый элемент, идея о пространстве. В качестве основного элемента понятия времени Фолькельт рассматривает понятие «сейчас-непрерывность» (Jetzt-Stetigkeitsbewusstsein), совершенно не оставляя нам возможности описывать то, какой была наша жизнь, если этот элемент не существовал ранее; таким образом, он представляет нашу жизнь, как что-то подобное мозаике, что-то непостоянное и прерывистое (zerrissen). С одной стороны, хотелось бы его спросить, что было бы со временем, лишенным его основного элемента, ибо он никогда не пытался рассмотреть время без онога, и на каком основании, рассуждая о времени, он вводит понятия, явно позаимствованные у пространства, например, непостоянство и прерывистость; но, с дру-

гой стороны, нельзя не рассмотреть его умозаключение как правдоподобное, по крайней мере, на основании некоторых критериев.

Становление и бытие, время и пространство, видимо, значительно сильнее связаны друг с другом и намного лучше сочетаются между собой по сравнению с тем, что мы предполагали изначально. На ум приходит мысль о пласте пространственно-временной целостности, который можно сравнить с органо-психической целостностью.

Физика, какой нам ее представил Бергсон, раскладывает движение на составляющие и передает его через места, которые последовательно занимает в различные отрезки времени движущееся тело. Таким образом, он вводит противопоставление отдельных точек (T , $T + t_1$, $T + t_2$ и т. д.) там, где, как мне кажется, есть только проникновение и организация, а это противопоставление искажает время, ассимилируя его с пространством. И вот здесь возникает один очень значимый вопрос: что позволяет ему использовать подобную ассимиляцию, причем совершенно естественным образом, без того чтобы проявить хоть какую-то минимальную гениальность на этот счет? Если бы время абсолютно отличалось от пространства, то никогда ни сама физика, ни один из ученых-физиков не достигли бы подобных результатов, такая мысль просто не посетила бы их. Кстати, давайте обратимся к нашему собственному опыту, к жизненному опыту, а также и к здравому смыслу: мы обнаружили, что, как только пытаемся представить себе время, в нашем сознании происходят мыслительные процессы, которые не только не лишены смысла, но которые мы можем довести до конца без возникновения каких-либо сложностей, этот процесс происходит естественным путем, практически инстинктивно, точно так же, как и в физике, в виде прямой линии.

«Без сомнения, – пишет Блондель, – чувства, которые мы переживали в течение длительного промежутка времени, необходимы для понимания того, что же на самом деле такое месяцы и годы, а объективные методы, принятые обществом для измерения времени, были бы непонятны без особого жизненного опыта, помогающего осознать, каким образом время движется и как оно заполняется реальностью. Но факт остается фактом: обычный человек, задумавшись о длительности времени, скорее представит его в виде одного длинного пути, чем в виде событий в календаре, разделенных на четко определенные участки»¹⁰.

Тесные связи между идеей о времени, ассимилированном с пространством, и о переживаемом времени проявляют себя так же, как и естественный переход от одного к другому, без каких-либо конфликтов или уловок. Если сказать, что речь здесь идет о результатах, полученных после серьезных усилий, это приведет к тому, как мне кажется, что проблему отложат на потом. Не будем учитывать, что в данном случае мы заменяем феноменологию изучения времени толкованием на генетическом уровне и таким образом совершаем что-то наподобие логической ошибки. Концепции генезиса, прогресса и эволюции являются, по сути, частью изучаемого феномена и могут отделиться от него, только развиваясь. Принятое решение или вариант, к которым мы обращаемся, в обязательном порядке предполагают, что вышеупомянутый переход должен иметь возможность реализоваться, пусть даже это будет всего лишь набросок, позволяющий выявить условия, необходимые для реализации. Законным кажется рассмотрение данного перехода не в качестве результата действия интеллектуального характера, а в качестве «ближайших сведений» сознания, в силу чего мы и позволяем ему самостоятельно оценить свои права.

Эти права заключаются в следующем: с одной стороны, время выступает как иррациональный феномен, устойчивый к любой концептуальной формулировке; но, с другой стороны, как только мы пытаемся его себе представить, он самым естественным образом предстает в виде прямой линии; следовательно, нужно, чтобы существовали феномены, способные разме-

¹⁰ Charles Blondel. *La Conscience morbide*. Alcan, 2e éd., 1928, p. 214.

ститься и выстроиться по порядку между двумя этими крайними аспектами времени, оставив возможность перехода из одного аспекта в другой.

Итак, наши исследования сейчас получили четкую ориентацию: в качестве объекта у нас выступят промежуточные феномены, описанные выше.

Путь, по которому мы будем двигаться, чтобы достичь этой цели, также проложен. Проецируя на становление хоть какое-то простое отношение рациональной природы, мы выявляем феномен, отвечающий за объединение обоих. Такие феномены – это можно предвидеть изначально – должны обладать особыми характеристиками; необходимо наличие у них, если можно так сказать, двух граней: одна – чтобы сохранить их временный характер и способность быть устойчивыми к методам дискурсивного мышления, дабы они могли противоречить сами себе в случае попытки сводить их полностью к отношениям рационального характера; с другой стороны, они должны проявить себя именно как переносчики отношений этого порядка, позволив тем самым сблизить их с пространством.

Я надеюсь, что последующие страницы, дадут возможность лучше разобраться в методике, которая применяется в ходе нашего исследования.

4. Становление и «бытие единства или множества» Феномен движущейся длительности и последовательности. Принцип непрерывности и повторности

Давайте сейчас обратимся к простым признакам: это «бытие единства» и «бытие множества» или, по причине его относительной простоты, «бытие двух». Попробуем объединить эти признаки со становлением. Можно заметить, что оно не только противопоставляет им основание для отказа в соглашении: здесь мы сталкиваемся с феноменом движущейся длительности, либо, если вам так больше нравится, с потоком того, что длится, а также с его последовательностью.

Все, что является единством, по отношению к становлению длится в движении или движется по всей длине; а все то, что *пара*, относительно времени последовательно идет одно за другим. Иначе говоря, все, что длится в движении, обозначается относительно времени как единица, а все, что представляет собой последовательность, обозначается как два или множество.

Такое «бытие единства» может точно так же охватывать содержимое моего сознания, будь то восприятие, чувство или любое другое состояние души, которое мое целостное «я» или другие «я», либо какое угодно событие внешнего становления или даже всего мира в целом; главное, чтобы они были рассмотрены с подходящим временным аспектом. Здесь важно понять, что мы в данном случае рассматриваем не содержание единицы, но признак бытия единицы относительно проживаемого времени. Кроме того, состояние нашего сознания, а также события, которые происходят вокруг нас, длятся в движении, тогда как неизменяемые объекты внешнего мира просто длятся, в них не может проникнуть живой поток времени.

Временный характер, а вместе с тем и простейшая природа обоих феноменов, упомянутых выше, являются очевидными. Это вытекает из феномена последовательности. Что же касается феномена движущейся длительности, то здесь дела обстоят намного сложнее, как минимум из-за того, что в нашем языке нет конкретного термина, которым можно было бы обозначить данный феномен. Поэтому и возникает странное впечатление, что он состоит из двух различающихся элементов, а именно: длительность и поток. По этой причине Фолькельт определяет длительность как невременной фактор (*ausserzeitliches moment*), признавая, однако, что длительность в какой-то мере относится ко времени. Он рассматривает ее частично, основываясь на принципе: все, что является временем, должно видоизменяться, меняться, непрерывно

двигаться; этот принцип, о котором мы уже говорили, представляет собой видение времени на уровне сознания, но никоим образом не основывается на его природе.

По сути, здесь идет речь о простом феномене, не поддающемся разделению на части. Именно на этом основано и большинство рассуждений Бергсона, касающихся различий между мыслимой длительностью с ее противоположностями и проживаемой длительностью с ее неизменяемой живой структурой. Нам не остается ничего другого, кроме как вспомнить слова самого Бергсона, где он помещает феномен длительности и последовательности в одну плоскость: «Нет значительной разницы между прошлым одного или другого состояния, они по-прежнему пребывают в том же состоянии»; или вот еще: «Возможно представить себе последовательность, не разграничивая ее, можно представить ее как взаимное проникновение, как целостность, как близкое объединение элементов, каждый из которых является показателем целого, различаясь и отделяясь лишь в мышлении, способном все разделять».

Таким образом, переживаемая последовательность, несмотря на то, что она состоит из «бытия двух», не слагается из двух различных длительностей, следующих одна за другой. Утверждать такое – значило бы совершить попытку разложить и рационализировать изучаемый феномен больше, чем допускает его природа. При последовательности выделяют два события, но ни одно из них нельзя постичь независимо от другого. Это как если бы мы, стоя на вершине, откуда можно только догадываться, что собой представляют оба склона горы, но не исследовать их, в конце концов поняли бы, что находимся в месте, которое их разделяет. Точно так же движущаяся длительность не может быть разложена на множество последовательностей; иначе бы изменилась и была неправильно оценена сама ее природа. Как только речь заходит о времени, следует избегать всех поспешных арифметических действий.

Теперь стало ясно, как изучаемый нами феномен может иметь «две грани», что мы позволили себе утверждать в конце предыдущей главы.

А. – Иррациональная сторона обоих феноменов четко прослеживается на основании всего вышесказанного. Минимальная попытка, совершенная, чтобы преодолеть признаки «бытия единства» или «бытия двух», позволив им развиваться, что, по сути, совершенно естественно для дискурсивного мышления, подводит нас к противоречию с образом существования этих феноменов в реальности. Они проявляют себя с рациональной точки зрения, хотя сами по себе являются противоречивыми.

Эту мысль можно подчеркнуть и более очевидным способом. Вот умозаключение, которое делается довольно часто: мы только что констатировали последовательность А и В; констатация последовательности А и В позволяет нам сказать, что А может существовать только при наличии В; последовательность устанавливает отношения между А и В; но для установления каких-либо отношений между двумя понятиями необходимо, чтобы оба эти понятия существовали в сознании; а это совершенно невозможно в случае отношений последовательности; таким образом, ни при каких обстоятельствах мы не можем утверждать, что существует незамедлительная последовательность двух событий. Однако мы говорим об этом каждый миг своего существования.

Психология всегда сталкивалась с этой проблемой, сводя, в силу своих установок, все решения к тому, чтобы принять мысль, что событие А оставляет мнемонические следы, которые замещаются чем-либо, когда наступает событие В. Даже опустив, что таким образом мы наделяем память способностью искусственно растягиваться, речь здесь идет всего лишь о псевдоразделении, поскольку, какова бы ни была природа следов А, необходимо, чтобы в сознании уже существовало предчувствие наступающей последовательности, дабы иметь возможность в таком случае объяснить наличие этих следов рядом с В в аналогичном поперечном срезе сознания, как принято говорить; но В + следы А сами по себе не могли бы стать поводом для появления идеи о последовательности. Конечно, допустимо обратиться к сфере воспоминаний. Но в своем сознании мы не сможем найти ничего из наших воспоминаний, потому что в жизни

последовательность двух событий, а также и переживаемые воспоминания, чаще всего относятся к более удаленному прошлому, выступают в качестве пустого интервала между событием, о котором мы вспоминаем, и настоящим, которому оно противопоставлено, словно они не применимы к «нынешнему» прошлому, если можно так сказать, включающему в себя незамедлительную последовательность.

Со своей стороны, в этой проблеме я не вижу ничего, кроме выражения иррационального характера последовательности как временного феномена. Умозаключение, приводящее к этой идее, на самом деле – всего лишь одна из попыток применить к понятию времени постулаты мышления, что, как мы уже видели ранее, в конечном итоге приводит к пониманию того, что время содержит противоречие внутри себя. Если я не ошибаюсь, главная идея всех этих ложных умозаключений состоит в попытке добавления к феномену времени отрицания, которого, по сути своей, оно не может содержать. Проживаемая последовательность – это вовсе не отношения между тем, что есть, и тем, чего нет. Такое отношение, как, впрочем, и любые другие отношения временного порядка, появляется, только когда мы хотим подчинить его разуму, а отрицание, добавленное к понятию времени, – лишь выражение неудачи, к которой, в конце концов, и приводят подобные попытки. Стоит сделать такую подстановку хотя бы раз, чтобы собственными глазами увидеть все псевдопроблемы, добавленные к понятию времени; в результате, каким же счастливым можно почувствовать себя, решая потом эти проблемы, используя, как *deus ex machina*, память в качестве посредника, своего рода рационального механического аппарата, в чем опорой становится приведенный ранее элемент – отрицание. В такой ситуации психологи обращаются за помощью к натуралистам, они рассматривают память как первичную функцию психики упорядоченной материи, порождающей сознание, которое, в частности, воспринимается как генератриса понятия времени.

Все, что было только что сказано по поводу последовательности, может быть подвержено *mutatis mutandis* по отношению к феномену движущейся длительности. В данном случае достаточно разложить эту длительность на серию мгновений, следующих одно за другим. Но не будем настаивать на этом далее, дабы избежать ненужного повторения.

В. – Теперь перейдем ко второй грани, а именно – к характеристикам, которые возникают у нас перед глазами, когда мы намеренно сильно влияем на признаки «бытия единства и множества» и пытаемся определить их мышлением.

Естественно, после определения последовательности как отношения между тем, что есть, и тем, чего нет, мы можем представить себе целый ряд последовательностей, вновь приходя к идее калейдоскопа. Но на самом деле все происходит иначе. Если, совершая простое действие, я попытаюсь определить или представить себе проживаемую длительность либо последовательность, они обе, по причине их мобильности и временного характера, укроются от такой моей попытки. Становление никоим образом не поддается требованиям бытия. При этом наша неудачная попытка не ощущается нами просто как «неудача», как нечто, что невозможно осуществить, как нехватка средств. С позиции становления, такая неудача обладает особым оттенком, иначе говоря, имеет положительное содержание; для нас она выражена в форме феномена, именуемого непрерывность становления.

Будет верно, если мы попытаемся определить через мышление конкретные события с их временными характеристиками. Они ускользают и исчезают. Но, каким бы парадоксальным это ни казалось, время не может исчезнуть полностью. Мы далеки от того, чтобы испытывать смятение от такой головокружительной скорости любого из его элементов; напротив, мы можем видеть, как время разворачивается перед нашими глазами, видим, как становление выходит за пределы, бесконечно обгоняет любую проживаемую длительность и любую последовательность, которые мы пытаемся определить, не сокращая их до «ничто», как это происходило в соответствии с принципами разума, не сокращая бесконечно огромное до невероятно маленького, а продолжая их, каждый раз начиная сначала. Именно сейчас мы обнаруживаем

простое значение феномена проживаемой непрерывности, он становится понятен нам, становится правдоподобным.

Иначе говоря, по мере того как последовательности непрерывно продолжаются, мы наблюдаем не калейдоскоп или зыбучие пески, а, наоборот, отмечаем возникновение факторов подобия, постоянства, протяженности, согласованности, я бы даже сказал – однообразия, которые возникают отсюда и проникают, причем абсолютно бесконфликтно, в становление. Подобная монотонность, возможно, однажды приведет к тому, что жизнь предстанет перед нами в серых тонах и нам будет казаться, что каждый следующий день в точности похож на предыдущий. Однако сейчас речь идет об отдаленных последствиях. Этот момент для нас с вами наступит нескоро, мы не испытываем скуки и уж тем более тревоги, о которой говорилось в теории калейдоскопа, мы чувствуем умиротворение, им наполняются наши души, когда мы ощущаем непрерывность становления. Находясь внутри этой непрерывности, мы вполне довольны, нам очень удобно так жить; а упомянутое чувство безопасности и умиротворения, по сути, соответствует среднему темпу нашей жизни относительно времени, практически доказывая тот факт, что, рассмотрев все нюансы, нам удалось точно определить истину.

Теперь мы можем перейти к более конкретному анализу. Когда речь идет о процессе восстановления двух прошедших событий, прежде всего мы максимально живо воскрешаем в памяти картинку этих событий, но у нас нет возможности таким же образом восстановить в памяти отношения последовательности, которые их связывают между собой; эти отношения мы можем пережить вновь, воссоздать, так сказать, подумав про себя, например: «Сначала было А, и только потом В», – либо применяя любые подобные схемы. Если мы пытаемся восстановить прошедшую последовательность, нет ничего проще: нужно лишь пережить новую последовательность, а это реально делать сколько угодно раз. Ничто не может этому помешать, ибо живая последовательность всегда при нас, причем она выступает не как изолированная и конкретная, а как нечто, способное проявляться при необходимости; именно так возникает представление о непрерывной повторяемости, о непрерывности, движимой временем.

Феномен непрерывности, безусловно, сближает нас с пространством. Но это всего лишь сближение и никак не совпадение. Проживаемая непрерывность вовсе не является примером динамизма. Дело в том, что мы ее проживаем не как явление само по себе, а скорее как видим. У нас в распоряжении нет установленной непрерывности, мы распоряжаемся только временем, которое непрерывно движется и обновляется через свои составляющие.

Точно так же, если бы непрерывная повторяемость навела нас на мысль упорядочить непрерывность по количеству элементов, то они не могли бы полностью слиться, поскольку ни один элемент из всего этого предполагаемого множества не определен достаточно для того, чтобы дать нам возможность сосчитать все элементы: каждый из них всего лишь непрерывно движется перед нами, отсюда и возникает идея о множественности, но в то же время это подчеркивает их скоротечный и эфемерный характер. Ни один из элементов не мог бы служить естественной точкой отсчета, чтобы посчитать остальные.

Подведем итог.

Между становлением и бытием, между временем и пространством в нашу жизнь один за другим приходят феномены пространственно-временного порядка. Эти феномены объясняют нам самым простым способом, почему и каким образом возникает мышление, они могут ассимилировать время и пространство.

Феномены, изучаемые до настоящего момента, образуют словно два звена между временем и пространством; это – продолжительность и проживаемая последовательность, с одной стороны, и проживаемая длительность – с другой.

Я с удовольствием признаю, что в нашей жизни, наполненной гармонией, все эти разные звенья проникают друг в друга. Чтобы различить их, необходимо абстрактное усилие; но без такого усилия мы не могли бы ничего сказать о времени и ничтожно мало знали бы о прочих

феноменах. Кроме того, кажется, бессмысленно пытаться уточнить, какое же из этих звеньев следует выделить, какое из них относится ко времени, а какое – к пространству. Мне так и хочется сказать: это, скорее всего, вопрос вкуса. Думаю, все мы могли бы начать с определения длительности, чтобы из него вывести последовательность и продолжительность, позволив ей сжаться до этих феноменов, – подобно тому, как начали изучение с продолжительности и последовательности, чтобы позволить им проявиться в длительности. Основная часть наших рассуждений базируется не только на представлениях о том, где размещены эти два звена, но в большей степени на условиях, подтверждающих, что их на самом деле *два*.

Связь, объединяющая эти два звена, представляет собой особый принцип, который мы обозначили как принцип раскрытия.

Идею о наличии двух звеньев мы встречаем и в работах П. М. Жане¹¹. Только он это представляет в несколько ином аспекте. П. М. Жане рассматривает проблему времени под несколько иным углом, чем я. В первую очередь в исследовании П. М. Жане речь идет об изменениях видов поведения во времени. В данном случае интересным для нас является тот факт, что П. М. Жане описывает два звена, используя термины «неустойчивая» и «устойчивая» форма времени.

Позволю себе кратко изложить его концепцию.

Рассматривая вопрос памяти, М. Жане вовсе не основывается на традиции, из-за чего возникает две точки зрения. Во-первых, он в этом не видит ни первичного феномена, ни отправной точки всех изменений понятия времени; он определяет память как чувство продолжительности, к которому оно может присоединиться только в ходе разнообразных изменений, правда, лишь претерпевая различные улучшения. Кроме того, для М. Жане память – это всего лишь способность сохранять, воспроизводить и узнавать; она представляет собой то простое бессознательное повторение действий, которое предшествует формированию склонностей и привычек у животных. На самом деле имеет место совершенно другой процесс. Память, в прямом смысле слова, присуща исключительно человеку и представляет собой особый вид поведения, тесно связанный с функциями речи, а также – с умением рассказывать. Основы ее мы обнаруживаем в социальном типе поведения, формирование которого началось с момента, когда человек осознал все выгоды того, что часовых он может размещать не в самом лагере, как поступают животные, живущие в группах, но за пределами лагеря; такой тип поведения, безусловно, требует способности предупреждать отсутствующего об опасности в устной форме либо каким-то образом отдавать ему приказы.

Получается, что умение рассказывать – это простейший механизм памяти. А в ходе эволюции данный механизм все более и более усложняется. Из него в первую очередь возникает способность составлять описание, суть которой не только в передаче простых приказов отсутствующему, но и в оценке складывающейся ситуации.

При этом умение рассказывать и описывать относится к простейшему виду памяти, так как основывается на объектах, которые могут длиться. Таким образом, в первых проявлениях памяти отсутствует понятие исчезнувшего прошлого. Но память продолжает развиваться, и возникает способность составлять рассказ. Данная способность основана на воспроизведении исчезнувшего прошлого, понятие, которое человечество открыло в ходе

¹¹ Janet P. M. L'Evolution de la mémoire et la notion du temps. Paris, Maloine, 1928.

длительной эволюции, понятие, которому все сегодня безропотно доверяют, хотя даже оно спорно.

Скорее всего, первые составленные рассказы – это рассказы о победах, которые могли быть восприняты обычными слушателями, испытывающими чувство гордости и радость успеха, как если бы они сами были победителями. Этим и объясняется столь парадоксальное на первый взгляд обстоятельство, что в ряде случаев возникает некоторая необходимость подумать о чем-то несуществующем, а конкретно в данной ситуации – об исчезнувшем прошлом.

Основная задача рассказа – заставить живущих сейчас людей испытать те чувства, которые они могли бы испытать, если бы сами присутствовали при событии; значит, рассказ должен быть составлен соответствующим образом. Для этого в первую очередь нужно научиться располагать в рассказе события в соответствии с хронологическим порядком. При таком противопоставлении исторических и хронологических фактов возникает основной фактор: временное отношение между «до» и «после», которое и станет отправной точкой нового этапа значимого развития в изучении памяти и времени.

Здесь обозначен один очень важный этап эволюции памяти. Когда мы изучили отношения «до» и «после», когда узнали об упорядоченном объединении и хронологической последовательности событий, это открытие показалось нам столь забавным и стимулирующим воображение, что мы принялись развлекать себя составлением рассказов, чтобы впоследствии поведать их окружающим. Тут мы обнаруживаем причины возникновения игр воображения и мифов, которые часто встречаются у детей и среди примитивных народов.

Так память, простейшим образом связанная с действиями, постепенно превращалась в игру, поскольку составление рассказов – это не всегда простая задача, а далее она стала неустойчивой, все более и более укрепляясь в этой неустойчивости. Таким образом, игра воображения – это стадия памяти, развитая внутри нее самой.

Изначально может показаться, что речь здесь идет об общем правиле, тесно связанном с эволюцией человеческого поведения. Точно так же речь, тесно связанная по механизму возникновения с действием, стала впоследствии, в силу своей стимулирующей функции, игрой, видоизменившись до умения общаться, что, по сути, кроме выполнения стимулирующей функции, не имеет никакой пользы. Однако речь не могла довольствоваться подобной неустойчивой формой, поэтому возникло утверждение, которое снова смогло связать ее с действием и вновь наделило устойчивостью.

Что же касается памяти, то стадия, связанная с игрой воображения, для нее является всего лишь промежуточной; память не могла бы подчиниться новой практике, не могла бы не выйти из зоны неустойчивости, куда ее поместила способность играть с воображением. И здесь понятно, что она достигла своей цели. Отношение между «до» и «после» полностью относительно, ибо любое «до» могло быть «после» по отношению к другому «до»; именно такая относительность и стала основой для игр воображения. Чтобы избавиться от нее, в обязательном порядке необходимо ввести абсолютную величину, своего рода границу, относительно которой было бы

возможно ранжировать однозначным способом прошлое и будущее. И только таким образом можно вывести понятие настоящего.

Следовательно, неверно видеть в «настоящем» совершенно ясное и данное понятие, так как это понятие возникло значительно позже в процессе эволюции памяти и является чем-то с очень сложной структурой. «Настоящее» для памяти – то же самое, что «утверждение» для речи.

Теперь важно определиться, что же такое на самом деле «настоящее». Ранее было сказано, что оно является действием, которое происходит в настоящем. Это верно, но этого недостаточно. Все живые существа совершают действия, но не все способны представить себе настоящее; к примеру, мы можем выполнять огромное количество действий, не говоря себе, что совершаем их именно в настоящем. Получается, не существует способа, чтобы отделить настоящее от простого действия.

Когда я говорю: «это мое настоящее», – я всего лишь составляю рассказ о себе самом либо о ком-то еще, о своих действиях в тот самый момент, когда что-то делаю. Таким образом, настоящее – это составление рассказа о действии, которое мы совершаем, в тот самый момент, когда выполняем его. Настоящее – это особый акт, объединяющий способность составлять рассказ и действие. А так как настоящее частично включает в себя составление рассказа, то оно в обязательном порядке связано и с феноменами памяти. Это может показаться парадоксальным: каким образом поместить память в настоящее и зачем рассказывать о действии в момент его совершения? Однако именно в данном месте мы и нуждаемся в действии, позволяющем объединить в одну единую историю настоящее, прошлое и будущее, которые по отдельности являются лишь подборкой сочинений и фантазий. Настоящее вновь делает память более устойчивой, перемещая ее в область практических действий.

Итак, настоящее представляет собой сложное комплексное действие. Например, больные, которые боятся испытать боль, опасаются настоящего и предпочитают жить в прошлом, или еще лучше – в будущем, строя планы и не задумываясь о том, как их осуществить. Аналогично, психически неполноценные люди часто обладают фантазийной памятью, в которой присутствуют прошлое и будущее, но нет настоящего; они прекрасно живут без него, их это совершенно не беспокоит. Подобные факты еще раз подтверждают идею¹², что настоящее – сравнительно раннее приобретение, а вовсе не простой естественный процесс.

Возвращаясь к теории памяти, на сегодняшний день мы выделяем два вида памяти: первый – фантазийная память, в которой все относительно, прошлое и будущее не привязаны ни к какому настоящему, в силу чего проявляют себя подвижно; второй – устойчивая память, определяемая при

¹² П. М. Жане постоянно отстаивал данную точку зрения. Хочу напомнить, что он говорил по этому поводу еще в 1903 году в своей работе «Навязчивые состояния и психостения» («Les Obsessions et la Psychasthénie»), добавив лишь, что здесь идет речь о тех понятиях, которые мы не затрагиваем: «Конечная грань подобной функции реальности, та, что, вероятно, объединяет все предыдущие, представляет собой мыслительный процесс, который, к сожалению, очень мало изучен – строение времени, формирование в сознании настоящего момента. Время не предоставлено мышлению в готовом виде; чтобы его показать, достаточно изучить, каким образом время представляют себе дети и больные люди. Тот данный момент – недоступная точка, как говорят математики, не имеет ничего общего с понятиями, о которых мы здесь ведем речь. С позиций психометрии, настоящее – это частота, равная одной десятой секунды, что тоже не совсем соответствует нашему о нем представлению. Истинное настоящее для нас – это действие, состояние определенной сложности, которое мы можем охватить в определенном состоянии мышления, несмотря на его сложный состав и действительную продолжительность, более или менее долгую... Существует одна особая мыслительная способность, назовем ее, введя новое слово – презентификация, которая состоит в том, чтобы соотносить настоящее с состоянием мышления и целой группой феноменов».

помощи основной операции через образование настоящего, которое такая память обязана учитывать; ограниченная, так сказать, этим требованием, устойчивая память всегда, в большей или меньшей мере, более узкая, но именно она тесно связана с реальным временем во всем своем многообразии.

5. Становление и «бытие как элементарная составляющая всего» Сейчас и настоящее. Гомогенизация

В предыдущем разделе мы решили принять за точку отсчета свойства «бытия единства или множества». Теперь давайте обратимся к свойству «бытия как элементарной составляющей всего».

Спроецированное на «становление», данное свойство указывает нам на наличие феномена «сейчас».

«Сейчас» – это феномен временного характера; а если более конкретно: мы постоянно проживаем какую-то простейшую часть времени.

Совершенно очевидно, что мы не ограничиваемся только «сейчас», когда пытаемся разделить время, как могли бы поступить с любым растягиваемым объектом. «Сейчас» включает в себя многое другое, так как является основным элементом в связке время-качество. Кроме того, оно не имеет ничего общего ни с самым маленьким измеряемым отрезком времени, какой мы можем себе представить и заметить, ни с бесконечно малой величиной, которую рассматривают в теоретической физике. В обычной жизни оно постоянно представляется нам как простейшая частица времени. Она остается неделимой, но не потому, что не поддается делению, а потому, что вопрос о ее разделении просто не имеет смысла поднимать.

Применяя дискурсивное мышление, не составит труда показать, что «сейчас» противоречиво по своей сути. «Сейчас» предстает перед нами как элемент времени, и это верно, но оно также содержит особый акцент, который способен превратить его, как мне кажется, в синоним понятия «существование»: ведь существует только «сейчас», тогда как все, чего нет сейчас, не существует; таким образом, «сейчас», будучи составной частью всего, не позволяет существовать рядом с ним никакой другой аналогичной части, но может заменить все что угодно.

Параллельно с этим, основываясь на постулатах, позаимствованных из теории пространства, легко доказать, что «сейчас» не может быть прожито как какая-то часть времени; чтобы разглядеть в пространстве образ, необходимо сначала увидеть его очертания, а затем (и не будет ли это лишь след близлежащего поля?) применить ко времени. Точно так же утверждение, что мы живем только внутри «сейчас», не является правдой и, не сомневаюсь, должно казаться невозможным, даже абсурдным.

Традиционная психология поторопилась принять данную точку зрения на вооружение; понятие «сейчас» она по-прежнему рассматривает в контексте памяти, по примеру игры со шкатулочками, вставляемыми одна в другую, когда все, что есть в жизни, словно проходит через «сейчас». Но на самом деле это не так.

Безусловно, случается, что мы обнаруживаем «сейчас» как нечто, что недавно предшествовало ему, и нечто, что должно следовать за ним, а речь – эти знания я получил благодаря образованию моего товарища Пиншона – способна самым невероятным образом отображать иррациональный характер времени и совершенно ничем не ограничена в употреблении выражений «сейчас я уже сделал» или «сейчас я буду делать». Но в данном случае мы говорим о принципиально разных отношениях, которые учитываются в пространственном мышлении; здесь мы не обнаруживаем следов ни воспоминаний, ни предвидения, в прямом смысле этого слова, ни, в общем-то, ничего, что можно было бы трактовать как границы или очертания

«сейчас»; так и в жизни: четко осознавая, что настоящее уходит, мы на самом деле не можем определить, когда оно становится прошлым; кроме того, маловероятно, что мы заметим, как будущее прорывает границы настоящего.

Расхождение между дискурсивным прошлым и феноменом «сейчас», расхождение, примеры которого мы только что привели, для нас – и понять это достаточно легко – не что иное, как выражение временного характера данного феномена. Но не стоит на этом акцентировать внимание. Сама жизнь отлично приспособлена к такому несоответствию. Последуем ее примеру, не станем задерживаться на этой псевдопроблеме, давайте посмотрим, как принцип распространения проявляет себя по отношению к «сейчас».

Если мы попробуем представить себе или определить это «сейчас», то у нас ничего не получится; оно промелькнет перед нашими глазами, но в то же время мы увидим его как нечто, разворачивающееся перед нами, освобождая место другому феномену, у которого, конечно, много общих черт с «сейчас», но есть и существенные отличия. Здесь я имею в виду настоящее.

«Сейчас» погружается в «настоящее» и полностью растворяется. Но «настоящее» не становится в данном случае «не сейчас»; некоторые черты «сейчас» остаются в нем. Просто это «сейчас» раскладывается на части.

«Настоящее» содержит в себе продолжительность и протяженность. И я не смог бы определить, ни где оно начинается, ни где заканчивается, я даже не смог бы определить его границы, которые, в отличие от «сейчас», имеют нечто струящееся, тягучее, эластичное. «Настоящее» для нас – это, в зависимости от обстоятельств, и настоящий момент (сейчас), и сегодня, и настоящий период, и все остальные формы настоящего, которые, кажется, вкладываются друг в друга, но при этом все же зависят от понятия «проживаемого настоящего».

Получается, что в состав «настоящего» больше не входит тот драматический момент, который мог бы охарактеризовать, особенно в нашем мышлении, понятие «сейчас». Здесь больше не возникает вопрос «быть» или «не быть». Это больше не вершина горы, где может закружиться голова, это – равнина, где мы чувствуем себя комфортно. «Настоящее» не настолько резкое, уникальное и конкретное; по сравнению с «сейчас» оно скорее намного более спокойное, более однородное, более умиротворяющее. Мы можем позволить себе жить в настоящем.

Чтобы охарактеризовать переход «сейчас» в «настоящее», нам захочется поднять вопрос о гомогенизации, обозначив, таким образом, особую форму, под видом которой в данном случае проявляет себя принцип распространения. То, что мы понимаем под этим термином, как мне кажется, вытекает из всего, что было сказано выше. Качественные характеристики протяженности и вместе с тем однородности, как представляется, имеют общий смысл, применимый к «настоящему», когда мы сравниваем его с «сейчас». Такая гомогенизация может быть, если я не ошибаюсь, подчеркнута и далее. «Сейчас», как мы уже заметили, имеет тенденцию достигать в какой-то мере абсолютной величины и сводить на нет все, что к нему не относится; оно проявляет способность объединить в одно целое самую близкую часть ближайшего «до» и ближайшего «после». «Настоящее», в свою очередь, является полной противоположностью «не настоящему» и находится с ним на одном уровне. То, что сейчас существует, и то, что не сейчас не существует, как мы говорили выше. Не может быть и речи о том, чтобы создавать подобные противопоставления для «настоящего». Кстати, для самого «настоящего» возможность утверждать его существование уже не кажется, в силу его растяжимости, такой очевидной, как в случае с «сейчас»; с другой стороны, когда мы рассматриваем «не настоящее», то делаем это вовсе не с целью показать, что оно не является «настоящим», а для того, чтобы обозначить, что оно им было или еще будет. Получается, здесь нет категорического противопоставления, зато еще более заметно различие между разными формами существования, а именно – между формами «настоящего» и «не настоящего». Прошлое, из которого появляется настоящее, не совсем то, что исчезло навсегда, но и не то, что существует в прошедшем; либо,

если вам не нравится данная формулировка, прошлое – это то, что некогда было настоящим и просто отступило назад. Точно так же происходит и с будущим. «Настоящее» и «не настоящее», таким образом, – это нечто подобное, одинаковое, похожее, они обладают общими особыми характеристиками «настоящего», это их и объединяет в одно целое. Прошлое и будущее не существуют только относительно настоящего и не имеют другого значения, как и настоящее может возникать только из прошлого, к которому оно примыкает, и, в свою очередь, в обязательном порядке должно породить будущее.

Здесь нами выявлено косвенное утверждение того, что было сказано ранее: мы все-таки можем существовать в прошлом, целиком погружаясь в воспоминания, аналогично тому, как существуем в настоящем. Кроме того – и это уже стоит запомнить, – учитывая постоянно изменяющиеся границы настоящего, мы все время пребываем в процессе добавления к настоящему неопределенных отрезков прошлого. Так, с точки зрения феноменологии, восстановить в памяти то, что я делал вчера, означает для меня, помимо прочего, возможность определить, что с 16 до 18 часов я работал над данной книгой, а также ощутить, в процессе написания уже конкретно этой страницы, что работа, сделанная ранее, вместе с работой, выполненной сегодня, является для меня фактом настоящего, потому что относится к одной книге; аналогично происходит, когда речь идет о разнообразии чувств, которые мы испытываем относительно прошлого: например, когда рассказываем, что делали во время войны, и пытаемся вновь пережить то, что чувствовали тогда, одновременно все еще ощущая те испытания всеми фибрами своей души и понимая, несмотря на нахлынувшие чувства, что война уже в прошлом, что она больше не является частью нашего нынешнего настоящего. В данном случае мы затронули проблему, которая связана с феноменологией прошлого.

6. Становление и «получать направление» Феномен порыва. Принцип деления и продолжения

Противопоставив «становление» и понятие направления, мы открыли для себя феномен порыва. Я бы в равной степени употреблял термин «жизненный порыв», однако не старался бы отнести его, как минимум сразу, к сфере биологических фактов.

Жизненный порыв создает для нас будущее, и делает это именно он.

В жизни все, что имеет направление во времени, имеет и порыв, продвигается вперед, стремится к успеху в будущем.

Точно так же, подумав об определении направления во времени, я ощущаю неудержимый толчок вперед и вижу, как будущее раскрывается передо мной. А тот факт, что я «ощутил толчок», ни к чему меня не обязывает; он совершенно не подразумевает, что какие-то внешние силы принуждают меня смотреть вперед и стремиться к успеху, двигаясь в этом направлении; нет, он имеет совершенно иное значение: он свидетельствует, что совершенно спонтанно и изо всех сил, всем своим существом я стремлюсь в будущее, ощущая при этом всю полноту жизни, которую способен проживать в данных условиях.

Но и это еще не все. Вместе с желанием двигаться по направлению к будущему возникает немедленная потребность стремиться к успеху, идя в том же направлении, а все, что существует вокруг меня, тем или иным образом связано со временем, то есть, при последующем рассмотрении, и с вселенной в целом.

Становление влечет за собой могущественные, однако хаотичные и мутные потоки, способные потопить все на своем пути. И только благодаря жизненному порыву и за счет него становление получает способность быть необратимым и начинает иметь смысл.

Это вовсе не значит, что я обнаруживаю присутствие жизненного порыва у меня лично или у кого-либо еще, и, вместе с тем, наблюдаю аналогичное направление во вселенной. Здесь нет места двум различным действиям с моей стороны: здесь не может быть ни сравнений,

ни аналогий. Кстати, я, как мыслящий объект, являясь точно определенной личностью, на самом деле принимаю участие в незначительном количестве дел в данном утверждении. Оно, по сути своей, имеет скорее общее значение; здесь мы обнаруживаем только феномен жизненного порыва, который содержит в себе утверждение, что как только или когда он полностью выполнен, то и становление начнет движение в том же направлении. Иначе говоря, тезис «я продвигаюсь вперед, и в то же самое время мир развивается» неправомерен, но допустимо: «я продвигаюсь вперед, и мир развивается»; эти два высказывания вовсе не одно и то же. Естественно, если мы противопоставим «я» и «мир», то нам по здравому размышлению кажется, что жизненный порыв разделяется на две, четко выделенные части; однако в действительности есть только один порыв, который, возможно, и способствует возникновению только что отмеченного противоречия, хотя он один, единственный в своем роде. Здесь, кстати, мы обнаруживаем особенность, характерную для элементов системы время-качество. Продолжительность и последовательность, «сейчас» и «настоящее» остаются неизменными как для меня – мыслящего объекта, так и для вселенной, незамедлительно объединяясь в одно целое.

Жизненный порыв создает для нас будущее, и делает это именно он, говорили мы чуть выше. Однако было бы не совсем верно утверждать, что мы знаем о существовании будущего и что именно на это будущее направлен наш порыв. Нет, это не так. Будущее и жизненный порыв настолько тесно связаны друг с другом, что на самом деле представляют собой единое целое. Именно жизненный порыв подводит нас к пониманию существования будущего, он наделяет его смыслом, создает и открывает перед нами то будущее, о котором мы, наверное, кое-что знаем, но, как оказывается, знаем очень мало.

Захотеть закончить работу завтра до пяти часов и вместе с тем увидеть перед собой, через жизненный порыв, все необъятное будущее – совершенно несравнимые вещи, они очень далеки по сути своей, думаю, нет необходимости убеждать вас в этом – все очевидно.

Жизненный порыв не может быть сведен до уровня проявления воли или намерения двигаться к какой-то конкретной цели, невозможно и приравнять его к комплексу волевых решений или конкретных целей, которые возникают одна за другой с течением времени. Порыв размещается выше их всех и даже руководит их появлением, при этом он всегда в поиске, в постоянном поиске цели или целей, которые позволят ему создавать что-то конкретное. По своим первичным свойствам он неопределенный и повсеместный (основываясь на этом, я и посчитал возможным говорить о «порыве к...»); он является формой и обязательной составной частью любых видов деятельности, а также создает атмосферу, без которой никакая деятельность не была бы доведена до конца. Более того, жизненный порыв вовсе не истощается, когда та или иная цель уже достигнута, сколько бы ни было этих целей и как бы сложно ни было их достичь, потому что, как только эти цели достигнуты, то есть, как только они начали относиться к прошлому, жизненный порыв, все так же, с неизменной силой, совершенно не уменьшившись, двигается вперед и вновь создает перед нами будущее (не из нашего мышления, но из самой нашей жизни и даже из жизни в целом).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.